Духъ разрушающій есть духъ созидающій. *У рабочихъ нѣтъ отечества.*

Рабочее Знамя

Органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ.

№ 2. Лозанна. Апрѣль 1915 № 2.

Р. К. 98.

СОДЕРЖАНІЕ:

Мартъ 1871—1915.
Я. Алый. Годовщина ленской бойни.
А. Курсъ. Печальное празднованіе.
Александръ Ге. Соціалистическое Грѣхопаденіе и Возрожденіе Рабочаго Интернаціонала.
А—ша Ц—ій. Почему мы молчали?
Б. Краковскій. Политическая ссылка въ Россіи.
Рабочій Альфа. Знаменіе безвременья.
Александръ Ге. Открытое письмо П. А. Кропоткину.
К. Орігіани. О революціонномъ синдикализмѣ.
Ф. А. Еще объ одномъ банкротѣ.
Оводъ. Наше слово „Нашему Слову".
О. А. Библіографія.
Заявленіе. Отчеты. Почтовый ящикъ.

МАРТЪ 1871—1915.

„Пусть сильнѣе грянетъ буря!"

Коммуна.... Эпоха великой народной борьбы, коллективнаго народнаго творчества. Вдохновленный завѣтами Революціи и Перваго Интернаціонала, народъ-дитя довѣрчиво шелъ навстрѣчу грядущему. Жизнь, сѣрая и будничная въ настоящемъ, сулила ему осуществленіе красивыхъ мечтаній. Въ душѣ горѣла жажда достиженій, жажда боя и побѣды. И радостно отдавали себя борцы на служеніе великому дѣлу. Радостно шли впередъ... страдали... падали въ пути... поднимались, чтобы снова идти и окончательно погибнуть за то, чтобы обезпечить намъ, будущимъ поколѣніямъ, иную, лучшую жизнь.

Будущимъ поколѣніямъ....

Часы времени отбили 44 долгихъ года. Народъ-дитя выросъ въ могучаго титана. Но мѣсто Перваго Интернаціонала занялъ Второй — Интернаціоналъ не грозной классовой борьбы, а лживой, преступной демократіи, ведущей народъ не къ послѣднему возстанію за освобожденіе отъ цѣпей рабства, а къ подобострастному преклоненію передъ буржуазной политической свободой. Десятки лѣтъ онъ ожесточенно боролся съ революціоннымъ духомъ рабочаго класса, чтобы вырвать изъ рукъ его гордое знамя Коммуны, и, наконецъ, привелъ его къ братоубійству.

Сорокъ четыре года... Если бы могли тѣ, передъ чьей гробницей мы сегодня почтительно обнажаемъ головы, открыть глаза и увидѣть... стыдъ и гнѣвъ забушевали бы въ нихъ! Каинъ, гдѣ братъ твой Авель? — спросили бы они у Второго Интернаціонала.

Жизнь зло насмѣялась. Красивыя сказки, обѣщавшія такъ много, солгали и погибли. Велікіе идеалы коммунаровъ забыты и силы безплодно растрачиваются на чужое, враждебное дѣло. Угнетающая, сѣрая дѣйствительность снова покрыла жизнь, но нѣтъ больше мерцающихъ огоньковъ впереди. Холодная, сырая, темная ночь...

Но не долго простоитъ она, — уже пламенѣетъ зарево юной зари. Высокая башня лживой демократіи рушилась. Песчаныя громады Второго Интернаціонала съ грохотомъ безпорядочно полетѣли внизъ и подъ обломками схоронили всѣ навѣянныя имъ рабочему классу иллюзіи о спасеніи черезъ демократическое Государство.

Духъ разрушающій есть духъ созидающій. Завтра снова зажгутся красные огни Революціи — снова надъ міромъ будетъ развѣваться повстанческое знамя рабовъ, несущихъ смерть буржуазному строю.

Величіе предковъ пробуждается въ нихъ. На поляхъ сраженій опять зарождается Коммуна.

ГОДОВЩИНА ЛЕНСКОЙ БОЙНИ.

Тихо, безъ шумныхъ демонстрацій и забастовокъ, прошелъ въ Россіи день 9-го Января. Пролетаріатъ, мобилизованный для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, вынужденный растрачивать свои силы на чужое и враждебное ему дѣло, не могъ, какъ должно, почтить память своихъ братьевъ, погибшихъ на зарѣ русской революціи.

Теперь наступаетъ еще одинъ день, запечатлѣнный кровью въ исторіи русской революціи. Это четвертое апрѣля, годовщина Ленской бойни, — день, въ который рабочіе принесли на алтарь народнаго освобожденія сотни жертвъ. Начатая ими на пріискахъ мирная забастовка, была потоплена въ крови. Безсмысленные по своей дикости и жестокости разстрѣлы вызвали негодованіе всего міра и пробудили пролетаріатъ Россіи отъ спячки, въ которую погрузила его правительственная реакція. То, чего не могли достигнуть сотни и сотни революціонеровъ-пропагандистовъ и агитаторовъ, было достигнуто въ одинъ мигъ ротмистромъ Терещенко. Его кровавое дѣло было какъ бы вызовомъ, брошеннымъ всей рабочей Россіи. И вызовъ этотъ былъ немедленно принятъ. Два года непрерывныхъ стачекъ, съ каждымъ днемъ разроставшихся вширь и вглубь, ясно свидѣтельствовали, что революціонное движеніе въ Россіи вновь принимаетъ грозные размѣры.

Настали іюльскіе дни прошлаго года. Вниманіе всего міра сосредоточивается на грандіозномъ поединкѣ русскаго пролетаріата съ его вѣковыми угнетателями. Бакинская стачка, массовыя забастовки по всей Россіи и, наконецъ открытая уличная борьба въ Петербургѣ, носящая явно революціонный характеръ, съ рабочими знаменами надъ баррикадами, — все это позволяло надѣяться, что дни существующаго порядка сочтены.

Но случилось неожиданное... „Освободительная" война, которую ведетъ русскій царизмъ, прежде всего пріостановила революціонное движеніе въ Россіи.

Пріостановила, да, но не похоронила. Русскій пролетаріатъ не дастъ усыпить себя басней объ освободительной миссіи царизма, — онъ слишкомъ хорошо знаетъ его. Онъ уже поднимаетъ свой голосъ противъ войны. И не взирая на то, что правители всѣхъ воюющихъ странъ, въ полномъ согласіи со многими вчерашними „друзьями" народа, стараются разжечь въ рабочихъ чуждые имъ инстинкты международной ненависти и взаимной вражды, чтобы этимъ отклонить ихъ съ революціонно-класоваго пути пролетарской солидарности, несмотря на повсемѣстное царство цензуры, кулака и нагайки, — день всеобщей ликвидаціи и расплаты близокъ. И въ этотъ день русскіе рабочіе, уже взявшіеся за оружіе и крѣпко держащіе его въ рукахъ, занесутъ его надъ головою своихъ угнетателей.

Оправляясь отъ нанесенныхъ мобилизаціей и арестами ударовъ, пролетаріатъ и революціонное крестьянство, помнящіе уроки 9 Января и Ленскихъ разстрѣловъ, съ новой энергіей вступятъ въ рѣшительный, послѣдній бой съ царизмомъ. Они высоко поднимутъ революціонное знамя и провозгласятъ боевой лозунгъ:

Смерть существующему порядку! Да здравствуетъ анархическій коммунизмъ!

Я. Алый.

ПЕЧАЛЬНОЕ ПРАЗДНОВАНІЕ.

(Письмо изъ Лондона).

19 Марта 1915 г.

Это было печальное празднованіе. Память Коммуны собралось почтить около трехсотъ человѣкъ, съ болью въ душѣ и съ тяжестью на сердцѣ.

Обычно, это былъ праздникъ духа, — воскрешенія надеждъ, окропленныхъ кровью возставшаго народа, чествованіе памяти тѣхъ дерзкихъ, которые осмѣлилися мечтать о счастьи всего человѣчества и своею алою кровью возвѣстить зарю новой жизни. Обычно, втеченіе многихъ лѣтъ, на митингахъ 18 марта звучали бодрыя рѣчи, полныя энергіи и надеждъ. Въ кровавомъ ореолѣ вставали образы безумно-смѣлыхъ и звали къ новой борьбѣ, къ послѣднимъ стѣнамъ рушащихся твердынь, и предостерегали отъ тѣхъ ошибокъ, которыя они искупили своею кровью.

18 марта 1915 года въ Лондонѣ около трехсотъ человѣкъ скорбѣли о разрушенныхъ надеждахъ, о неоправданныхъ упованіяхъ, и словно страшились вызвать тѣни павшихъ героевъ, боясь укоризны. О нихъ говорили мало. Говорили о жестокихъ разочарованіяхъ, объ ироніи судьбы, о неожиданныхъ ударахъ. Говорили о своемъ стыдѣ передъ окровавленными тѣнями, объ ужасѣ кроваваго повѣтрія, о рушащихся храмахъ и падающихъ идолахъ.

Не праздновать собрались они, а скорбѣть. Не оскорблять великія тѣни красивыми словами, но въ воспоминаніи о нихъ найти въ себѣ силы, чтобы сохранить то святое и дорогое, что ими было завѣщано, — сохранить до той поры, когда послѣ нынѣшней кровавой вакханаліи устрашенное и образумѣвшееся человѣчество, захлебывающееся въ своей собственной крови, протянетъ за этимъ святымъ свои руки, какъ за единственнымъ своимъ спасеніемъ.

Но нѣтъ мѣста отчаянью. Ни одинъ изъ великихъ идеаловъ не затронутъ безумнымъ повѣтріемъ и послѣ кроваваго похмѣлья они еще ярче засіяютъ среди всеобщаго разрушенія. Нужно сознать свои ошибки и снова работать. Нужно дѣло, неустанная работа противъ теченія, все дальше по пути къ новой свѣтлой зарѣ.

Такъ говорили въ Лондонѣ на митингѣ 18 марта 1915 года.

Особенно интересны были двѣ рѣчи, — т. Мили Витковъ и т. Черкезова. Съ чувствомъ внутренняго волненія т. Мили Виткопъ говорила о тѣхъ задачахъ, которыя не были исполнены, о народахъ, вовлеченныхъ въ обманъ, о лицемѣріи народныхъ печальниковъ, о фабрикантахъ красивыхъ оправданій гнусныхъ происшествій. И вспоминая о прекрасной смерти 35,000 коммунаровъ, она съ горечью говорила о тѣхъ милліонахъ, которые называли себя соціалистами во всѣхъ странахъ и которые предпочитаютъ умирать за своихъ господъ и убиваютъ своихъ братьевъ вмѣсто того, чтобы пожертвовать своей жизнью за идеалы, наличность которыхъ они себѣ приписывали. Но все-таки, говорила она, не отчаиваться мы должны, а работать неустанно и бодро для приближенія того момента, когда намъ не будетъ стыдно тѣней павшихъ коммунаровъ.

Весьма замѣчательна была рѣчь т. Черкезова. Онъ объяснилъ причины возникновенія Коммуны, отмѣтилъ роль, которую при этомъ играло нападеніе внѣшняго врага — нѣмца. Переходя къ описанію разгрома Коммуны, онъ, сильно волнуясь, указалъ, что жестокость, съ которой Коммуна была подавлена, только теперь развѣ превзойдена жестокостью, проявленной германцами въ Бельгіи и Польшѣ.

Говоря о психологіи парижскаго народа, такъ героически умиравшаго за Коммуну, и о степени сознательной идейности массъ, онъ сдѣлалъ одно интересное заявленіе: не всѣ тѣ, которые умирали на баррикадахъ Парижа 18 марта 1871 года, были проникнуты идеями, формулированными ея вожаками; многіе шли, совершенно не сознавая великихъ идей равенства и братства, они шли только потому, что „своихъ били", потому что были возставшій свободолюбивый французскій народъ. А когда „нашихъ бьютъ", тогда забываются всѣ различія положенія, партій и воззрѣній и всѣ должны идти противъ общаго врага. Отъ этой новой для анархизма формулы „нашихъ бьютъ" т. Черкезовъ перешелъ къ современнымъ событіямъ, говоря, что долгъ человѣка и мужчины защищать женщинъ и дѣтей, которыя насилуются и убиваются германцами. „Мужчина долженъ защищать женщину, самецъ долженъ защищать самку". И онъ закончилъ съ горячей убѣжденностью: „Не вѣрьте тѣмъ, которые говорятъ вамъ, что нужно оставаться въ сторонѣ, — тотъ, кто не защищаетъ женщину и ребенка, не достоинъ названія человѣка и мужчины!"

Ни одного слова негодованія не раздалось въ отвѣтъ на эту рѣчь. Не протестовали изъ уваженія къ самимъ себѣ, а также и потому, что каждый глубоко чувствовалъ страшную трагедію, переживаемую старымъ революціонеромъ, рѣчи котораго въ прежніе годы звучали иначе. Въ концѣ концовъ, большіе люди тоже только люди, и ничто человѣческое имъ не чуждо. А то „человѣческое", которое обнаружила война въ душѣ современнаго человѣка, недалеко ушло отъ первобытнаго „звѣря".

Т. Черкезову, очевидно, ближе французскія женщины, изнасилованныя германскими солдатами, чѣмъ нѣмецкія женщины, изнасилованныя французами, или еврейскія, изнасилованныя „нашими" русскими казаками. Это вообще былъ очень странный аргументъ, ибо, насколько всѣмъ извѣстно, не насиліе надъ женщинами вызываетъ войну, а война вызываетъ насиліе надъ женщинами. И будущая лѣтопись войны еще должна будетъ сначала доказать превосходство морали русскаго или французскаго солдата надъ моралью нѣмецкаго.

И очень хорошо отвѣтилъ на это въ своей рѣчи т. Александровичъ, указалъ, что не тѣ виноваты въ насиліяхъ, кто отказывается отъ даваемаго ему въ руки ружья, но тѣ, кто, забывъ свои прежніе взгляды, зовутъ на войну только потому, что „нашихъ бьютъ". „Придетъ время, когда мы возьмемъ ружье въ руки, но не то ружье, которое намъ сейчасъ подсовываютъ, а старое заржавѣвшее ружье коммунаровъ, и употребимъ его съ честью или погибнемъ.!"

Громкое, горячее одобреніе собранія ясно показало, на чьей сторонѣ сочувствіе оставшихся вѣрными великимъ идеаламъ товарищей.

Отъ имени митинга было рѣшено отправить телеграмму съ выраженіемъ товарищескихъ чувствъ т. Р. Рокеру, находящемуся на кораблѣ въ качествѣ военноплѣннаго. Всѣ на митингѣ глубоко чувствовали отсутствіе Рокера, бодрыя и яркія рѣчи котораго всегда были побѣдною пѣснью неустаннаго революціоннаго духа и который до самаго дня своего ареста съ трибуны и со столбцовъ „Арбейтерфрейнда" боролся противъ безумнаго кошмара современности и звалъ къ лучшему и красивому будущему.

А. Курсъ.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ ГРѢХОПАДЕНІЕ И ВОЗРОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО ИНТЕРНАЦІОНАЛА.

(Продолженіе).

3. Современное общество.

Государство, нація, культура, отечество.

а) Государство.

„Государство, во имя котораго дѣйствуетъ власть, по происхожденію и по основнымъ своимъ началамъ является несомнѣнно слугою привиллегированныхъ классовъ и ихъ защитникомъ противъ остального населенія".

(Фурье).

„Само историческое развитіе государства было вызвано ничѣмъ инымъ, какъ возникновеніемъ земельной собственности и желаніемъ сохранить ее въ рукахъ одного класса, который, такимъ образомъ, сталъ-бы государствомъ".

(П. Кропоткинъ).

„Подчиненіе труда капиталу есть источникъ всякаго рабства: политическаго, нравственнаго и матеріальнаго".

(М. Бакунинъ).

„Современная государственная власть — ничто иное, какъ исполнительный комитетъ по дѣламъ класса буржуазіи".

(К. Марксъ).

„Собственность — кража".

(Прудонъ).

Характернымъ признакомъ современнаго общества, называемаго буржуазнымъ, является то, что оно основано на несправедливомъ присвоеніи, т. е. на неравномѣрномъ распредѣленіи продуктовъ труда и самого труда, — на эксплуатаціи однихъ людей другими.

„Вся исторія всякаго общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ", — говоритъ Марксъ. Видоизмѣнялась только *форма* эксплуатаціи, форма рабства. Какъ въ древніе вѣка общество дѣлилось, преимущественно, на патриціевъ и рабовъ, въ періодъ феодализма—на помѣщиковъ и крѣпостныхъ, такъ теперь оно, въ главной своей основѣ, распадается на классъ буржуазіи и классъ пролетаріевъ, наемныхъ рабочихъ.

Разница между экономическимъ положеніемъ древняго и современнаго раба—только формальная: примитивное рабство лишало свободы передвиженія, права свободнаго выбора себѣ работодателя и мѣста работы; современное рабство предоставляетъ это право.

Для удержанія рабовъ въ подчиненіи и для формальнаго закрѣпленія системы несправедливаго присвоенія, нужна была организованная физическая сила. Такая сила возникла въ видѣ государства.

Историческая задача государства съ самого начала носила политическій характеръ. Исходя изъ принципа дѣленія общества на имущихъ и обездоленныхъ, на эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, на свободныхъ гражданъ и рабовъ, государство выработало нормы общежитія, санкціонировавшія рабство. Эти нормы стали общеобязательными и получили названіе законовъ. Матеріальной задачей государства было — гарантировать неприкосновенность частной собственности и слѣдить за выполненіемъ являвшихся политическимъ выраженіемъ этой неприкосновенности законовъ. Для этого оно опиралось на военную силу.

Такимъ образомъ, государство съ момента своего возникновенія было тѣмъ, что оно есть теперь: опирающейся на принудительную силу политической организаціей для закрѣпленія и охраны частной собственности, т. е. экономическаго неравенства. При этомъ, въ связи съ внутренними измѣненіями, происходившими въ производствѣ, которые вели къ измѣненію общественной структуры, государство часто бывало вынуждено измѣнять свою форму для приспособленія себя къ новымъ условіямъ. Принципъ государственности оставался неприкосновеннымъ, видоизмѣнялась только внѣшняя форма его выраженія, только *способъ* организаціи производства на принудительныхъ для общества началахъ.

Однако, исполнительные органы государства лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ соглашались на добровольное подчиненіе себя требованіямъ новаго времени, на самоприспособленіе къ измѣнившимся, новымъ условіямъ общежитія. Однимъ изъ наиболѣе

характерныхъ признаковъ патологіи всякой власти всегда является ея консерватизмъ. Въ силу своего консерватизма она, въ опредѣленныя историческія эпохи, продолжая выполнять свою основную задачу охраненія неприкосновенности частной собственности, тормозила дальнѣйшее развитіе производства. Консерватизмъ государственной власти всегда приводитъ къ столкновеніямъ между нею и новой оріентаціей общественныхъ силъ, къ столкновеніямъ подчасъ очень длительнымъ и кровавымъ, подчасъ принимающимъ размѣры и форму народныхъ революцій. Въ конечномъ исходѣ этой борьбы старая власть всегда ниспергалась и замѣнялась новой, болѣе соотвѣтствовавшей новымъ условіямъ.

Въ настоящее время государственная власть находится почти всюду въ рукахъ буржуазіи. При этомъ сама буржуазія, какъ классъ, далеко не однородна; она распадается на различныя группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои собственные интересы, не совпадающіе съ интересами другихъ группъ.

Различіе интересовъ аграрной, финансовой, промышленной и мелкоземельной буржуазіи, согласныхъ, однако, въ главномъ, — въ необходимости сохраненія капиталистическаго строя, — заставляетъ каждую изъ этихъ группъ стремиться къ созданію такихъ законовъ, которые наиболѣе обезпечивали-бы *ея* экономическіе интересы. Выразительницами интересовъ отдѣльныхъ группъ служатъ политическія партіи.

Наиболѣе развернутой и совершенной формой буржуазнаго господства является *демократія*, т. е. участіе всего народа въ государственномъ управленіи. Нормальнымъ законодательнымъ органомъ буржуазіи служитъ парламентъ, въ который населеніе делегируетъ своихъ выборныхъ.

Итакъ:

1. Государство возникло какъ организація для охраны частной собственности.

2. Впродолженіе своего существованія оно неоднократно измѣняло свою внѣшнюю форму, никогда не мѣняя своего первоначальнаго назначенія.

3. Наиболѣе совершенной и развернутой формой буржуазнаго господства является демократія.

4. Демократія, какъ и всякая другая, предшествовавшая ей, форма государственности, является исключительно организаціей для охраны частной собственности.

Одновременно съ развитіемъ производственныхъ отношеній постепенно дифференцировалась и структура общества. Буржуазія промышленно-индустріальная получила преобладаніе надъ буржуазіей феодальной. Какъ раньше основою экономическихъ отношеній было земледѣліе, такъ теперь этой основою стало производство.

Производство, какъ и земледѣліе, основываясь на эксплуатаціи чужого труда, нуждалось въ рабочихъ рукахъ. Но по самому характеру своему оно не могло опираться на систему политическаго рабства, на крѣпостное право. Залогомъ къ его развитію являлась свободная конкурренція труда и поэтому первымъ политическимъ требованіемъ промышленной буржуазіи было уничтоженіе крѣпостного права. Такимъ образомъ возникъ классъ такъ называемыхъ вольно-наемныхъ рабочихъ.

Но уничтоженіе крѣпостного права отнюдь не знаменовало собою „раскрѣпощенія личности", какъ объ этомъ мечтали идеологи гуманитарнаго идеализма. Оно являлось лишь подтвержденіемъ стараго принципа рабства, облеченнаго въ болѣе соотвѣтствующую измѣнившимся условіямъ новую политическую оболочку. Частная собственность и эксплуатація рабочаго труда остались неприкосновенными, экономическая зависимость не только не устранилась, но даже не облегчалась.

Съ теченіемъ времени и по мѣрѣ развитія производства, классъ „свободныхъ" рабовъ постоянно увеличивался. То, что давала имъ буржуазія, было минимумомъ необходимаго для самаго элементарнаго существованія: слишкомъ мало для того, чтобы жить, слишкомъ много, — чтобъ умереть. Ничтожная заработная плата, безстыдная эксплуатація дѣтскаго и женскаго труда, доводящая до истощенія длительность рабочаго времени, — вотъ что характеризовало первый періодъ „свободныхъ" взаимоотношеній между капиталомъ и трудомъ.

Но этотъ періодъ не могъ продолжаться долго. Въ рабочихъ массахъ проснулось недовольство, — безголосый рабъ превратился въ протестующаго раба. Одинаковость гнета всюду вызывала одинаковое недовольство. Пробудилась потребность въ организаціи сначала по отдѣльнымъ заводамъ, затѣмъ по профессіямъ.

Буржуазія долго сопротивлялась признать за рабочими право на свободную организацію, но въ результатѣ длительной непосредственной борьбы она была вынуждена къ этому. Рабочіе получили возможность сообща обсуждать свое положеніе и предъявлять къ своимъ работодателямъ требованія объ улучшеніи его.

Однако отдѣльные предприниматели какой-бы то ни было отрасли производства не могли, вслѣдствіе постоянной конкурренціи другъ съ другомъ, улучшить бытъ рабочихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ, если ихъ конкурренты не соглашались сдѣлать то-же самое и въ точно такихъ-же размѣрахъ. Отсюда *для буржуазіи* возникла необходимость законодательной нормировки заработной платы, длительности рабочаго дня, условій эксплуатаціи женскаго и дѣтскаго труда и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ рабочую среду начала проникать мысль, что рабочій классъ сможетъ добиться лучшихъ условій своего существованія путемъ личнаго участія въ законодательной работѣ.

Эта мысль не встрѣтила серьезнаго противодѣйствія со стороны буржуазіи, вопросъ для нея поднимался лишь *о предѣлахъ* политическихъ правъ пролетаріата. Но даже тамъ, гдѣ пролетаріату удавалось добыть себѣ политическое равноправіе, буржуазія убѣдилась, что это отнюдь не угрожаетъ ея существованію. Наоборотъ, для нея снабженіе рабочаго класса политическими правами оказалось очень выгоднымъ, болѣе выгоднымъ, чѣмъ она могла предполагать, ибо, отвлекая пролетаріатъ отъ его интернаціонально-классовой задачи *уничтоженія* капиталистическаго строя, оно переводило его на путь медленной національной борьбы за постепенныя улучшенія.

Производство — основа общества. Залогъ существованія буржуазнаго общества въ нормальномъ, безпрепятственномъ функціонированіи производства. Прежде рабочіе выступали противъ отдѣльныхъ фабрикантовъ или противъ цѣлой группы предпринимателей какъ физическая сила и, въ случаѣ неудовлетворенія своихъ требованій, нарушали правильное функціонированіе производства примѣненіемъ непосредственнаго дѣйствія. Непосредственное дѣйствіе *всегда* нарушаетъ производство, даже тогда, когда оно оказывается безрезультатнымъ для рабочихъ. Такимъ образомъ, снабженіе пролетаріата политическими правами и даже политическимъ равноправіемъ находится всецѣло въ интересахъ буржуазіи: оно переноситъ центръ тяжести рабочей борьбы изъ области экономической въ область политическую, дѣлаетъ его субъектомъ въ политикѣ, оставляя его вещью въ производствѣ.

Моментъ снабженія пролетаріата политическими правами знаменуетъ собою третью фазу его положенія въ капиталистическомъ обществѣ: сначала онъ былъ безгласнымъ рабомъ, затѣмъ сталъ протестующимъ рабомъ, затѣмъ — голосующимъ рабомъ.

Но рабомъ онъ такъ и остался.

Анализъ экономической структуры капиталистическаго общества привелъ Маркса къ выводу, что „изо всѣхъ классовъ, которые въ настоящее время противостоятъ буржуазіи, только пролетаріатъ стремится дѣйствительно къ коренному перевороту". Это значитъ, что интересы пролетаріата діаметрально противоположны интересамъ буржуазіи: въ то время какъ жизненной задачей буржуазіи является сохраненіе частной собственности, жизненною цѣлью пролетаріата является уничтоженіе ея.

Но какимъ образомъ должна быть уничтожена частная собственность? На этотъ счетъ у Маркса нѣтъ точныхъ указаній, вѣрнѣе есть множество противорѣчивыхъ предположеній. Можно безошибочно сказать, что именно эта противорѣчивость, позволивъ каждому соціальдемократу выхватить изъ Маркса то, что ему больше нравится, позволяетъ соціальдемократамъ-революціонерамъ и соціальдемократамъ-оппортунистамъ одинаково считать себя марксистами „божьей милостью" и оспаривать другъ у друга право на „истинный" марксизмъ. Однако, все-же необходимо признать, что Марксъ, — этотъ глубочайшій аналитикъ и убѣжденнѣйшій коммунистъ,— пошелъ по неправильному пути, когда въ числѣ способовъ къ уничтоженію частной собственности указалъ политически-государственную борьбу. Между прочимъ, вопросъ о методахъ пролетарской борьбы и былъ тѣмъ больнымъ пунктомъ, который послужилъ причиною разрыва между Марксомъ и Бакунинымъ и вызвалъ расколъ въ Первомъ Интернаціоналѣ.

Это отнюдь не значитъ, что Марксъ считалъ переходъ отъ частной собственности къ коммунизму возможнымъ въ результатѣ мирнаго захвата государственной власти, какъ старается доказать это нѣкоторая часть соціальдемократіи. Напротивъ, онъ ясно подчеркиваетъ, что переворотъ можетъ произойти не иначе, „какъ путемъ деспотическихъ посягательствъ на права собственности и на буржуазныя производственныя отношенія". Непослѣдовательность Маркса и его крупнѣйшая ошибка заключается лишь въ опредѣленіи того пути, какимъ долженъ идти пролетаріатъ *до* момента непосредственной борьбы за соціальную революцію. Эта ошибка привела къ одному изъ самыхъ большихъ и самыхъ печальныхъ историческихъ парадоксовъ: революціоннѣйшій мыслитель, создатель революціоннѣйшей теоріи непрерывнаго классоваго антагонизма, превратился въ отца современнаго политическаго оппортунизма *).

Коренное противорѣчіе, въ которое впалъ Марксъ, заключается, какъ это ни странно, въ отступленіи отъ чисто-пролетарской точки зрѣнія и въ смѣшеніи интересовъ пролетаріата съ интересами демократіи. „Первымъ этапомъ пролетарскаго преобразованія, говоритъ онъ, является конституированіе пролетаріата въ господствующій классъ, завоеваніе *демократіей* общественной власти".

Тутъ пролетаріатъ совершенно сливается съ демократіей: первый этапъ пролетарскаго преобразованія какъ будто бы совпадаетъ съ завоеваніемъ демократіей общественной власти. Интересы пролетаріата и демократіи какъ-бы тождественны. Но, вѣдь, пролетаріатъ, по опредѣленію самого Маркса, является *единственнымъ* классомъ, который стремится къ коренному перевороту. А что такое демократія? Форма государственности, установленная буржуазіей для наиболѣе цѣлесообразной эксплуатаціи рабочаго класса, имѣющая своей главной задачей — охрану частной собственности путемъ политическаго подчиненія воли пролетаріата волѣ господствующаго буржуазнаго большинства. Какимъ-же образомъ учрежденіе, весь смыслъ существованія котораго заключается въ охранѣ капиталистическаго строя отъ покушеній пролетаріата, должно превратиться въ учрежденіе для совершенія соціалистическаго переворота?

Эта основная ошибка Маркса привела его къ другой ошибкѣ, на которой и построено, собственно, все существованіе современной соціальдемократіи: къ подмѣнѣ международнаго классово-пролетарскаго дѣйствія дѣйствіемъ національно-демократическимъ. Другими словами, вмѣсто изоляціи пролетаріата отъ буржуазно-государственнической политики и примѣненія имъ исключительно своей классовой политики, произошло постепенное вовлеченіе его на путь общей съ буржуазіей государственной работы.... въ цѣляхъ завоеванія политической власти. Орудіемъ классовой борьбы сталъ избирательный бюллетень.

Провозвѣстникомъ чисто классовой, антигосударственной борьбы пролетаріата, въ Первомъ Интернаціоналѣ былъ Бакунинъ. Несогласіе по вопросу о тактикѣ пролетаріата, о значеніи для него государства и государственной политической борьбы привело къ расколу Интернаціонала. Въ романскихъ странахъ побѣдило теченіе антигосударственное, въ германскихъ — государственное. Впослѣдствіи выразительницей тактики Маркса стала соціальдемократія; выразителемъ тактики Бакунина — анархическій коммунизмъ.

Итакъ:

1) Изъ всѣхъ классовъ одинъ только пролетаріатъ стремится къ уничтоженію частной собственности.

2) Всякое государство, въ томъ числѣ и самое демократическое, имѣетъ цѣлью сохраненіе частной собственности; поэтому оно, будучи орудіемъ буржуазнаго строя, является только орудіемъ угнетенія рабочаго класса.

3) Рабочій классъ враждебно относится ко всякому государству, ибо оно для него всегда является исполнительнымъ органомъ буржуазіи; а между нимъ и буржуазіей не можетъ быть другихъ отношеній, кромѣ непрерывной непримиримой вражды.

б) Нація и націонализмъ.

Слово „нація" имѣетъ два совершенно различныхъ значенія: этнографическое и политическое.

Этнографически оно опредѣляетъ *происхожденіе* какой либо народности и ея культурное развитіе въ мировой человѣческой семьѣ. Всѣ члены этнографической націи связаны между собою общностью происхожденія, быта и языка, общностью историческихъ судебъ въ періодъ національной формаціи. Одинаковость условій, оказывавшихъ вліяніе на народность въ періодъ ея формаціи, выработали у нея національную психологію и національный характеръ, выработали то, что называется *національнымъ лицомъ*.

Но еще въ самые древніе вѣка, въ эпоху примитивной борьбы за существованіе, начался процессъ поглощенія однѣхъ народностей другими, причемъ болѣе слабыя либо подвергались массовому, подчасъ поголовному истребленію, либо вырождались и постепенно вымирали подъ вліяніемъ длительнаго рабства, либо ассимилировались съ завоевавшими ихъ народами до частной или полной потери своихъ національныхъ особенностей, своего національнаго лица. Такимъ образомъ очень многія народности, когда-то существовавшія, уже были стерты съ лица земли, когда человѣчество вступило въ *историческій* періодъ развитія.

Процессъ порабощенія болѣе слабыхъ народовъ болѣе сильными, ихъ поголовное истребленіе или постепенное вымираніе — все это продолжалось во всѣ вѣка и продолжается до сихъ поръ. Въ наше время этому особенно способствуютъ колоніальная политика „цивилизованныхъ" европейскихъ государствъ: колонизація Америки, Австраліи и Африки нигдѣ не обошлась безъ поголовнаго истребленія огнемъ и мечомъ цѣлыхъ племенъ; что же касается тѣхъ туземцевъ, которые еще уцѣлѣли передъ лицомъ „культурнаго" нашествія Европы, то они обречены на вымираніе.

Современная *политическая* нація не имѣетъ ничего общаго ни съ происхожденіемъ народовъ, ни съ условіями ихъ національной формаціи, ни вообще съ признаками, создававшими національный *типъ*. Политическая нація опредѣляется не по этнографическимъ признакамъ, а по принадлежности къ одному или другому государству. Ее составляетъ *совокупность* народовъ, входящихъ въ личный составъ одного государства, причемъ эти народы въ этнографическомъ отношеніи могутъ быть совершенно различны.

И наоборотъ, одинаковые этнографически народы часто входятъ въ составъ различныхъ государствъ. Напримѣръ, поляки — въ составъ Германіи, Австріи и Россіи; нѣмцы — въ составъ Германіи, Австріи, Россіи и Швейцаріи; итальянцы — въ составъ Италіи, Австріи и Швейцаріи; армяне — въ составъ Россіи, Турціи и Персіи; и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ наше время почти не существуетъ больше національно-однородныхъ государствъ. Современное государство не есть Nationalstaat, а Nationalitätenstaat. И ввиду того, что одни и тѣ же народы, получившіе свое національное лицо подъ вліяніемъ *общности* историческихъ судебъ въ періодъ національной формаціи, впослѣдствіи были вынуждены жить въ различныхъ политическихъ обстановкахъ и подвергаться воздѣйствію *отличныхъ* другъ отъ друга новыхъ историческихъ вліяній, эти народы, за очень малыми исключеніями, утратили и общность своего единаго прежде національнаго лица. Они либо совершенно, либо частично ассимилировались. И только еще тамъ, гдѣ процессъ естественной ассимиляціи не успѣлъ пустить глубокихъ корней вслѣдствіе непродолжительности вліянія новыхъ условій или вслѣдствіи того, что новыя условія мѣшаютъ ассимиляціи благодаря, напр., примѣненію системы національнаго неравенства для отдѣльныхъ народностей, входящихъ въ составъ опредѣленнаго государства, — только тамъ еще могло, въ большей или меньшей степени, сохраниться національное лицо и остаться тяготѣніе къ политическому слiянію съ этнографической націей, къ такъ наз. національному возрожденію.

Этнографическая разнородность государствъ, включающихъ, помимо кореннаго населенія, цѣлый рядъ „націй меньшинства" (Minderheitsnationalitäten), привела къ образованію политическаго національизма, распадающагося на два теченія: націоналистическое и національное.

Въ предыдущей главѣ мы отмѣтили, что государство является политической организаціей для поддержанія системы экономическаго неравенства. Теперь отмѣтимъ, что интересы буржуазіи требуютъ отъ нея, въ соотвѣтствіи съ стадіей ея развитія, установленія въ странѣ различныхъ формъ *политическаго* неравенства для отдѣльныхъ категорій населенія. Одной изъ такихъ формъ политическаго неравенства является неравенство *національное*,— примѣненіе системы *національнаго неравноправія* по отношенію къ „націямъ меньшинства". Методами осуществленія такого неравноправія служатъ: черта осѣдлости (средневѣковое гетто), частичное или полное лишеніе политическихъ и гражданскихъ правъ, запрещеніе свободнаго пользованія роднымъ языкомъ и т. п.

Идеологическое оправданіе національнаго неравноправія теоретики его усматриваютъ *въ культурномъ превосходствѣ кореннаго населенія* и, слѣдовательно, въ необходимости подчиненія интересовъ національнаго меньшинства интересамъ національнаго большинства, во имя торжества высшей культуры. Лживость этой теоріи не требуетъ доказательствъ. Очень часто именно слабые количественно національности составляютъ наиболѣе культурную часть населенія своего государства. Въ отсталыхъ странахъ реакціонныя правительства пользуются системою національнаго неравенства для разжиганія національной ненависти, въ цѣляхъ отвлечь народъ отъ противоправительственной борьбы путемъ вовлеченія его на путь національной вражды.

Теорія, оправдывающая угнетеніе однѣхъ народовъ другими на основаніи различія этнографическихъ признаковъ, называется *зоологическимъ націонализмомъ* или просто *націоналистической*.

Тутъ необходимо отмѣтить, что правящіе классы всѣхъ государствъ пользуются теоріей зоологическаго національизма не только какъ орудіемъ своей внутри-государственной политики, но распространяютъ ее и на область внѣшней политики, прикрывая ею свои завоевательныя стремленія. Мы уже указали выше, что одинаковые по своимъ этнографическимъ признакамъ народы часто входятъ въ составъ различныхъ государствъ. Это настолько распространенное явленіе, что въ настоящее время почти всѣ европейскія государства имѣютъ смѣшанное населеніе, состоящее изъ коренной націи и одной или нѣсколькихъ „націй меньшинства", причемъ нерѣдко бываетъ, что эти „націи меньшинства" являются осколками кореннаго населенія другихъ государствъ. Это обстоятельство и даетъ поводъ для *внѣшней* націоналистической политики. Внѣшній или имперіалистическій зоологическій націонализмъ, опираясь тоже на принципъ этнографическихъ національныхъ признаковъ, нашелъ свое практическое поле дѣйствія въ стремленіи къ „освобожденію" изъ подъ чужеземнаго владычества своихъ „единоплеменниковъ". Въ зависимости отъ государства, въ которомъ онъ практикуется, его называютъ пангерманизмомъ, панславизмомъ, панисламизмомъ и т. п. Стремленіе объединить подъ одной государственной крышей всѣхъ славянъ или всѣхъ германцевъ или всѣ разрозненные осколки какой либо другой этнографической націи не предполагаетъ, конечно, стремленія къ добровольному возвращенію въ лоно другихъ коренныхъ націй тѣхъ ихъ частей, которыя находятся въ меньшинствѣ въ собственномъ государствѣ. *Имперіалистическій* зоологическій націонализмъ отнюдь не ставитъ себѣ идеалистической задачи перекроить карту земного шара по этнографическому національному принципу, т. е. дать *всѣмъ* народамъ право на свободное національное слiяніе или на самоопредѣленіе. Онъ лишь служитъ идейной завѣсою для прикрытія захватной политики, стремящейся отторгнуть отъ другого государства часть принадлежащей ему территоріи, очень кстати населенной „единоплеменниками". Стратегическая цѣль имперіалистическаго націонализма двойная: путемъ ирредентистской пропаганды возбуждать у „угнетенныхъ" единоплеменниковъ стремленіе къ „національному объединенію" и представить передъ собственнымъ народомъ войну не какъ предпріятіе кучки финансистовъ, собирающихся ограбить своего сосѣда, а какъ святое дѣло освобожденія угнетенныхъ братьевъ. Созданіе фабулы „освободительной" войны — такова стратегическая цѣль имперіалистическаго зоологическаго націонализма.

Націоналистическая политика правительствъ, заключающаяся въ примѣненіи системы національнаго неравноправія по отношенію къ количественно болѣе слабымъ народамъ, вызываетъ у этихъ послѣднихъ стремленіе освободиться отъ національно-политическаго гнета. Принимая конкретныя формы, это стремленіе становится *національнымъ движеніемъ*, однако это движеніе представляетъ собою не соціально-революціонное, а лишь національно-революціонное теченіе, лишь мѣстную защитительную реакцію слабаго организма противъ нападающаго на него болѣе сильнаго.

Національное движеніе можетъ стремиться къ очень различнымъ цѣлямъ: либо просто къ политическому и гражданскому равноправію съ коренной націей; либо къ достиженію какой либо формы автономіи при условіи территоріальной связанности съ государствомъ; либо къ территоріальному выдѣленію изъ государства для присоединенія къ другому или для образованія самостоятельнаго государственнаго организма.

Всѣ виды національныхъ теченій, несмотря на свои подчасъ революціонныя формы проявленія, являются по существу консервативными. Они никогда не стремятся къ коренному перевороту соціальныхъ отношеній, никогда не ставятъ себѣ антикапиталистическихъ, антигосударственныхъ цѣлей; наоборотъ, они стоятъ на капиталистической и государственной точкѣ зрѣнія. Ихъ цѣлью является либо желаніе получить равное съ кореннымъ населеніемъ право на эксплуатацію трудящихся классовъ, либо же создать самостоятельное буржуазное государство при непремѣнномъ условіи занять въ немъ мѣсто кореннаго населенія по отношенію къ другимъ національностямъ. Вслѣдствіе этого всякое національное движеніе заключаетъ въ себѣ потенціально элементы для того, чтобы со временемъ стать націоналистическимъ. Какъ на ближайшіе примѣры укажемъ на „еврейское" государство сіонистовъ и на исключительные законы противъ равноправія евреевъ въ „автономной" Польшѣ, которые уже теперь заранѣе заготовляются завтрашними польскими законодателями.

*) Первоисточникъ оппортунистическаго истолкованія Маркса слѣдуетъ искать въ главѣ объ „отношеніи коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ (Комм. Маниф.)", гдѣ онъ рекомендуетъ коммунистамъ въ разныхъ странахъ поддерживать ту или другую часть буржуазіи и выступать въ *согласіи* съ ней, когда это диктуется интересами прогресса. Обратную этой точку зрѣнія мы находимъ у Бакунина, видѣвшаго классовую тактику пролетаріата въ полномъ и безусловномъ устраненіи его отъ буржуазной политики.

Каково же отношеніе рабочаго класса къ буржуазно-государственному національному? Онъ также враждебенъ ему, какъ и всякой государственной политикѣ. Для рабочаго класса человѣчество дѣлится не по этнографическимъ признакамъ, не по общности историческихъ судебъ, дѣйствовавшихъ въ періодъ національной формаціи, а только лишь *по общности классовыхъ судебъ*. Это тотъ единственный признакъ, который сближаетъ рабочихъ всего міра и который *ставитъ* имъ ихъ общую *интернаціональную* цѣль: повсемѣстную непримиримую борьбу со всѣми національными государствами, какъ оплотами капиталистическаго строя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Ге.

ПОЧЕМУ МЫ МОЛЧАЛИ?

Какимъ образомъ анархисты-коммунисты, имѣющіе сильное вліяніе на рабочихъ одной изъ воюющихъ странъ, Франціи, были застигнуты врасплохъ въ моментъ начала настоящей, небывалой въ исторіи человѣчества войны? Вмѣсто того, чтобы занять сейчасъ-же свои боевые посты и выступить противъ своихъ враговъ, передовой отрядъ революціонеровъ и революціонныя рабочія массы безъ сопротивленія повиновались первому призыву буржуазіи.

Я не говорю о тѣхъ бывшихъ товарищахъ, которые, сами того не подозрѣвая, въ глубинѣ души всегда были патріотами. Война лишь выявила ихъ патріотическія чувства и раздула ихъ патріотизмъ до шовинизма. Я не говорю и о тѣхъ „умудренныхъ" анархистахъ, у которыхъ кличъ „на войну!" сталъ революціоннымъ лозунгомъ; которые, яко бы во имя революціонныхъ завѣтовъ и спасенія мірового прогресса, вступаютъ въ арміи генераловъ Жоффра и Китченера и даже призываютъ насъ вступать въ ряды войскъ, командуемыхъ нашимъ доморощеннымъ „августѣйшимъ" полководцемъ. Допустимъ, что они искренни и только ошибаются, но не въ нихъ для насъ сейчасъ дѣло. Меня не интересуютъ сейчасъ и соціальдемократы, ибо мой вопросъ *къ нимъ* не относится: въ нашей прессѣ неоднократно выяснялось, что эти „соціалисты" никогда не были ни антипатріотами, ни антимилитаристами, ни вообще революціонерами въ интернаціональномъ смыслѣ этого понятія.

Я хочу говорить о тѣхъ товарищахъ, которые остались вѣрны нашимъ антибуржуазнымъ принципамъ и жаждали случая выйти въ бой, чтобы превратить капиталистическую войну въ войну классовую. Почему *они* отказались отъ своего революціоннаго долга, почему *они* ничего не предприняли?

Конечно, нельзя заранѣе учесть, каковы были бы результаты, если бы а-к. призвали пролетаріатъ къ революціоннымъ выступленіямъ. Но одно для меня несомнѣнно: они обязаны были сдѣлать это. Кто знаетъ, можетъ быть рабочая масса ждала революціоннаго призыва, который превратилъ бы патріотическія демонстраціи въ антиправительственныя возстанія. Но если даже предположить, что революціонный призывъ а-к. не встрѣтилъ бы отклика, то и въ этомъ случаѣ они, оставаясь вѣрными своимъ революціоннымъ завѣтамъ и традиціямъ, должны были попытаться вызвать массовый протестъ. Пусть эта попытка не имѣла бы другихъ практическихъ результатовъ, но ея воспитательное значеніе было бы неоспоримо. Уже ради одной только этой цѣли стоило и нужно было дѣйствовать.

Но мы молчали. Въ чемъ же причины нашего молчанія? Почему а-к. какъ разъ въ моментъ, когда нужно было проявить наибольшую революціонную активность, дали застигнуть себя врасплохъ? Мой взглядъ: потому что они были неорганизованы.

Въ данномъ случаѣ неорганизованность еще разъ показала на дѣлѣ, какъ вредны могутъ быть ея послѣдствія. У насъ, помимо идейнаго единства по основнымъ вопросамъ анархизма, нѣтъ *практическаго* остова, который объединилъ бы насъ въ *одно дѣйствующее* цѣлое. Все, что нами было достигнуто, всегда создавалось лишь отдѣльными товарищами или небольшими группами, но у насъ никогда не было *широкой* организаціи. При такихъ условіяхъ нельзя было даже думать о томъ, чтобы взять на себя иниціативу возстанія. Отсутствіе соотвѣтствующей организаціи — вотъ наша вина и причина нашего бездѣйствія въ наиболѣе критическую минуту.

Поэтому наша ближайшая задача — создать федеративную организацію, построенную снизу вверхъ, отъ мѣстныхъ группъ вплоть до интернаціональнаго объединенія. Объединимся же не только идейно, но и организаціонно!

А—ша Цюр—ій.

ПРИМѢЧАНІЕ РЕДАКЦІИ. Помѣщая настоящую замѣтку тов. А. Ц., мы должны замѣтить ему, что онъ, исходя изъ невѣрныхъ въ своей основѣ предпосылокъ, неизбѣжно приходитъ къ неправильнымъ выводамъ. Вопросъ „почему пролетаріатъ не отвѣтилъ на объявленіе войны революціоннымъ выступленіемъ?" значительно болѣе глубокъ и сложенъ, чѣмъ, очевидно, думаетъ тов. А. Ц.. Отвѣтъ т. Рощина, видящаго крахъ Интернаціонала въ томъ, что „воля пролетаріата оказалась порабощенной волей господствующихъ классовъ", правиленъ формально и по существу, но онъ еще не объясняетъ *психологическихъ причинъ* этого явленія и потому вопроса не исчерпываетъ.

Народное возстаніе нуждается въ иниціативѣ и руководствѣ со стороны революціонныхъ организацій, лишь когда оно назрѣло и *уже стало* для массъ психологической необходимостью. Никакая организація, даже самаго совершеннаго типа, никогда не сможетъ *способствовать* проявленію возстанія, если въ массахъ отсутствуютъ психологическія предпосылки, дѣлающія его необходимымъ. Думая иначе, т. А. Ц. впадаетъ въ обычную ошибку *якобинцевъ*. Мы отнюдь не считаемъ поведеніе нашихъ французскихъ товарищей въ моментъ мобилизаціи соотвѣтствующимъ нашей анархической тактикѣ; мы тоже находимъ — и въ этомъ мы безусловно согласны съ т. А. Ц., — что ихъ обязанностью было не молчать, а выступить передъ массой съ революціоннымъ лозунгомъ неповиновенія указу о мобилизаціи; при наличности благопріятныхъ условій это могло бы повести къ гражданской войнѣ. Но — и въ этомъ мы расходимся съ т. А. Ц. — мы не считаемъ ихъ виною и причиною ихъ бездѣятельности отсутствіе организацій.

Что же касается необходимости для насъ федеративнаго объединенія, то, разсматривая его какъ организаціонную форму, а не какъ „комитетъ для организаціи возстанія", мы, конечно, всецѣло признаемъ эту необходимость. Замѣтимъ по этому поводу лишь, что починъ федеративной организаціи уже былъ сдѣланъ русскими товарищами, а вопросъ о созданіи международной федераціи анархистовъ тоже стоялъ на очереди и долженъ былъ получить окончательное разрѣшеніе еще въ концѣ августа прошлаго года на интернаціональномъ конгрессѣ въ Лондонѣ. Несомнѣнно, что онъ и теперь получитъ благопріятное разрѣшеніе, какъ только условія опять позволятъ поставить его практически въ интернаціональномъ масштабѣ.

Ред.

ЗНАМЕНІЕ БЕЗВРЕМЕНЬЯ.

I. Невыдержанные герои.

«Даже пожелать мы сильно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка...»

Всѣмъ еще памятны событія въ соціалистическомъ Интернаціоналѣ, послѣдовавшія за началомъ всемірной катастрофы. Объявленіе мобилизаціи было встрѣчено во всѣхъ воюющихъ странахъ болѣе или менѣе патріотически какъ соціалистами, такъ и революціонными синдикалистами. Въ послѣдовавшихъ вскорѣ затѣмъ засѣданіяхъ парламентовъ всѣ соціалисты голосовали en bloc кредиты на веденіе этой „освободительной" для каждой изъ странъ братоубійственной войны. Началась эпоха гнуснѣйшей психологической реакціи: интернаціональный соціализмъ превратился въ патріотическій соціалъ-шовинизмъ. На фонѣ этой мерзкой соціалистической дѣйствительности было только одно отрадное явленіе — поведеніе соціальдемократовъ-интернаціоналистовъ Россіи: въ Думѣ, они не голосовали военные кредиты; они не дали увлечь себя баснями объ „освободительной" миссіи царскаго нашествія на центральную и восточную Европу.

Параллельно съ думскими депутатами и вмѣстѣ съ ними петербургскіе революціонные соціальдемократы вели агитацію противъ войны и за продолженіе борьбы съ царизмомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ приходилось еще вести войну съ большимъ теченіемъ въ средѣ самихъ соціальдемократовъ, которое „пріемлетъ войну" и проповѣдуетъ „временное перемиріе" съ царизмомъ, — съ теченіемъ, которое сочувственно отвѣтило министру Вандервельде на его призывъ „поддержать дѣло прогрессивной демократіи".

Для всѣхъ, знакомыхъ съ россійской „депутатской неприкосновенностью", не подлежало никакому сомнѣнію, что съ русскими Либкнехтами будетъ поступлено въ духѣ этой „неприкосновенности". И дѣйствительно, вскорѣ телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о томъ, что они, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими соціальдемократами, арестованы на одномъ собраніи. И какъ ни печаленъ былъ самый фактъ новыхъ жертвъ молоху царскаго реакціоннаго разгула, онъ одновременно указывалъ и на отрадное явленіе, — на наличность въ средѣ соціальдемократіи людей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія рабочаго интернаціонализма и пытающихся призвать къ сопротивленію окончательно разнуздавшейся „торжествующей свиньѣ".

Націоналистическій патріотизмъ, которымъ положительно захлебывается сейчасъ русское „общество" въ лицѣ консервативной и либеральной буржуазіи и „пріемлющихъ" самодержавное правительство соціалъ-шовинистовъ, сдѣлалъ для царизма весьма выгоднымъ преданіе „враговъ отечества" публичной казни, и оно устроило надъ ними открытый судъ. И тутъ, какъ ни тяжело констатировать это, подсудимые не выдержали до конца своей роли.

Общественное положеніе, которое обвиняемые занимали въ качествѣ депутатовъ и видныхъ партійныхъ работниковъ; ихъ долгъ передъ памятью погибшихъ въ русской революціи товарищей, умѣвшихъ съ гордо поднятой головой и твердой поступью взойти на эшафотъ во имя своего святого дѣла; ихъ обязанность передъ массой, прислушивавшейся къ тому, что ея вожди отвѣтятъ презрѣнному врагу; наконецъ, ихъ великое призваніе хранителей завѣтовъ недавняго прошлаго и знаменосцевъ грядущаго возстанія, — все это накладывало на нихъ радостную обязанность громогласно заявить на судѣ: да, мы революціонеры и никогда не перестанемъ быть ими до полнаго уничтоженія нашихъ враговъ". А обстановка открытаго суда, инсценированная правительствомъ, давала имъ блестящую возможность публично пригвоздить къ позорному столбу русскій царизмъ и изъ обвиняемыхъ превратиться въ грозныхъ обвинителей, въ судей преступнаго кроваваго режима передъ всѣмъ міромъ.

Но... вчерашніе „герои" постыдно отступили. Правительство выиграло ставку, поставленную на „открытый" судъ.

Защитники одинъ за другимъ старались обѣлить подсудимыхъ отъ прокурорскаго обвиненія въ антипатріотической дѣятельности. Беренштамъ, защищая Розенфельда, выбивался изъ силъ, чтобы доказать его безвредность ссылками на Іорданскаго, а Соколовъ, цитируя соціалъ-патріота Плеханова, доказывалъ, что соціальдемократы вообще очень мирные люди и прекрасные патріоты своего отечества. А сами обвиняемые? Депутаты отрекались даже отъ близкаго родства съ партіей, стараясь убѣдить прокурора, что они являются членами ея лишь постольку, поскольку они члены думской фракціи, не больше; твердокаменный же Розенфельдъ все время настаивалъ, что онъ „только" сотрудникъ с-д. газетъ.

Правительство вызвало ихъ на открытый поединокъ, — они не приняли его. Они бросили знамя революціоннаго интернаціонализма и, для спасенія своихъ личныхъ интересовъ, пожертвовали интересами общественности. Исполнители своего революціонно-интернаціоналистическаго долга до суда, они на самомъ судѣ не сумѣли остаться выдержанными до конца.

II. Исторія повторяется.

„Was heute von einzelnen getrieben wird
ist nichts anderes als Spitzelarbeit".
(Vorwaerts, № 32, 5. II. 1915.
Слова *Шейдемана*.

Такъ было всегда, когда отдѣльныя личности или группы выступали съ яркимъ протестомъ противъ существующаго порядка, идущимъ вразрѣзъ съ установленной соціальдемократической дисциплиной. Развѣ не „провокаторомъ" былъ окрещенъ великій революціонеръ Бакунинъ? И кѣмъ? — Марксомъ, Бебелемъ, Грейлихомъ... Не Бернштейнъ ли назвалъ „провокаторомъ" погибшаго въ 1885 г. на висѣлицѣ германскаго кайзера анархиста Рейнсдорфа? Развѣ не Либкнехтъ-отецъ въ 1887 г., на партейтагѣ въ С. Галленѣ, опредѣлилъ три категоріи анархистовъ: провокаторовъ, уголовныхъ преступниковъ и сумасшедшихъ?... А гнусная брошюра Бебеля — „Соціальдемократія и покушенія"?... А позорные выпады достойнаго „вождя" Плеханова?... Такихъ примѣровъ много, ихъ не счесть.

Такъ было всегда...

Теперь исторія повторяется. Только на этотъ разъ она обернулась противъ самихъ соціальдемократовъ. „Провокаторы!" — кричитъ при сочувственныхъ рукоплесканіяхъ озвѣрѣвшей соціальдемократической аудиторіи г. Шейдеманъ по адресу Либкнехта, Панекука и Меринга.

Провокаторы — потому что они выступили противъ военной команды лѣвыхъ патріотовъ нѣмецкаго кайзера.

Поймутъ ли теперь тѣ соціальдемократы, которые нынѣ пытаются встать на точку зрѣнія революціоннаго интернаціонализма, что сами они, всей своей предшествующей дѣятельностью, несутъ передъ міромъ отвѣтственность за то, что нѣмецкая партія въ лицѣ Зюдекумовъ и Шайдемановъ называетъ ихъ теперь провокаторами? Поймутъ ли они, что эта преступная демагогія не повторится только тогда, когда рабочій классъ покончитъ всякія отношенія со своими соціальдемократическими „друзьями" и пойдетъ по пути интернаціональной революціонной классовой борьбы?

Поймутъ ли они, наконецъ?

Рабочій Альфа

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО П. А. КРОПОТКИНУ.

„У анархистовъ сложился свой взглядъ на общество, совершенно иной, чѣмъ у всѣхъ политическихъ партій, стремящихся къ захвату государственной власти въ свои руки". (П. Кропоткинъ. Анархія.)

Глубокоуважаемый Петръ Алексѣевичъ!

Прежде, чѣмъ перейти къ темѣ настоящаго письма, я считаю себя обязаннымъ выразить Вамъ мое искреннее сожалѣніе по поводу неосторожно вырвавшейся у меня въ „Отвѣтѣ волонтеру" касающейся Васъ фразы о т. Киллѣ. Я былъ неправильно освѣдомленъ и, получивъ отъ парижскихъ товарищей указаніе на фактическую невѣрность моей фразы, съ радостью спѣшу взять ее обратно.

Теперь перехожу къ интересующимъ насъ вопросамъ.

Общественный характеръ Вашихъ выступленій по поводу европейской войны даетъ каждому изъ насъ право просить Васъ объяснить намъ то, что въ Вашихъ выступленіяхъ для насъ непонятно

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА ВЪ РОССІИ.

Осужденіе на вѣчную ссылку въ Сибирь пяти с-д. депутатовъ Рос. Гос. Думы и аналогичный приговоръ надъ Бурцевымъ относятся еще къ сравнительно мягкимъ мѣрамъ наказанія изъ принимаемыхъ русскимъ правительствомъ по отношенію къ борцамъ за освобожденіе Россіи отъ абсолютизма.

Только изрѣдка проникаютъ въ прессу отрывочныя свѣдѣнія о методахъ расправы русскаго правительства съ революціонерами. Поэтому не безынтересно будетъ познакомиться хоть въ общихъ чертахъ съ условіями, господствующими въ настоящее время въ каторгѣ и ссылкѣ. *Если ужъ до войны жизнь въ каторгѣ и ссылкѣ была такъ ужасна, что во многихъ случаяхъ самоубійство являлось единственнымъ избавленіемъ отъ невыносимыхъ страданій, то во время войны преслѣдованіе политическихъ, особенно въ каторжныхъ тюрьмахъ, дошло до невѣроятныхъ предѣловъ жестокости.* Трудно передать словами всю ту систему нравственныхъ и физическихъ пытокъ, на которыя такъ изобрѣтательны тюремныя власти. Какъ раньше, глумясь, ставили политическимъ каторжанамъ вопросъ: „Вѣруешь ли въ Бога?", и тѣхъ, кто осмѣливался отвѣчать „нѣтъ", жестоко избивали и калѣчили, такъ сегодня избиваютъ и калѣчатъ людей за недостатокъ патріотизма. Бьютъ даже и не за отрицательное отношеніе къ войнѣ, не за какое нибудь выступленіе противъ войны, нѣтъ; достаточно не проявлять патріотическаго пыла, достаточно индифферентно отнестись къ этому вопросу, чтобы быть избитымъ до полусмерти.

И въ ссылкѣ за непатріотическое отношеніе къ войнѣ примѣнялись репрессіи, но тутъ дѣло не могло, конечно, дойти до такой крайности. Въ общемъ и цѣломъ, ссылка отрицательно отнеслась къ войнѣ и патріотическія фразы не нашли здѣсь широкаго эхо. Наоборотъ, когда въ Сибирь нахлынули толпы военноплѣнныхъ, политическіе ссыльные сразу дѣятельно взялись за организацію помощи несчастнымъ, не знающимъ ни языка, ни страны, погибающимъ отъ голода и холода. Какъ-никакъ, ссыльные были „у себя дома", они давно уже успѣли свыкнуться съ суровыми условіями жизни въ Сибири, давно уже закалились въ борьбѣ съ нищетой. И вотъ эти люди, сами изо дня въ день голодающіе, дѣлятся *послѣдними крохами съ военноплѣнными*, хлопочутъ за нихъ, становятся во главѣ организацій помощи, устраиваемыхъ мѣстнымъ населеніемъ... однимъ словомъ, дѣлаютъ все возможное, чтобы облегчить участь плѣнныхъ. Что за эту дѣятельность имъ нерѣдко приходится подвергаться суровому преслѣдованію властей, это понятно само собой.

Если уяснить *себѣ*, съ какимъ трудомъ перебиваются сами ссыльные, если принять во вниманіе, что многимъ не хватаетъ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей, если, наконецъ, принять во вниманіе, какія тяжкія кары сыплются на политическихъ ссыльныхъ за малѣйшее проявленіе какой бы то ни было общественной дѣятельности, то это ихъ поведеніе не можетъ казаться мелочью. Кому не пришлось самому изведать всѣхъ прелестей сибирской ссылки, тотъ едва ли въ состояніи представить себѣ, чѣмъ является долголѣтнее принудительное пребываніе въ глуши сибирской тайги, сопряженное съ лишеніемъ правъ состоянія и имущества. Ссыльные при этомъ лишаются и права примѣнять на практикѣ свои познанія. Подъ предлогомъ воспрещенія политическимъ всякой „общественной дѣятельности", имъ воспрещаютъ заниматься врачебной и т. п. практикой, давать частные уроки и т. п. Въ такихъ то условіяхъ находятся тысячи, десятки тысячъ людей. И такое положеніе распространяется *на всю жизнь*, потому что лишеніе правъ фактически пожизненно, такъ какъ „крестьяне изъ поселенцевъ", въ разрядъ которыхъ черезъ 10 лѣтъ переводятъ ссыльныхъ, лишены, въ свою очередь, многихъ правъ и сильно стѣснены не только въ общественной дѣятельности, *но и въ личной жизни*. Тяжелое положеніе политическихъ поселенцевъ усугубляется еще тѣмъ, что они лишены права передвиженія даже по уѣзду, а въ глухихъ деревняхъ, назначаемыхъ политическимъ для проживанія, и рѣчи не можетъ быть о заработкѣ. А за самовольную отлучку въ предѣлахъ собственнаго уѣзда караютъ цѣлыми мѣсяцами тюрьмы и, что хуже, ссылкой въ еще болѣе суровыя мѣстности Сибири. Побѣгъ же изъ Сибири карается 3—6 годами каторжныхъ работъ...

Неудивительно поэтому, что въ такихъ неслыханныхъ условіяхъ жизни ссыльные влачатъ полуголодное существованіе. Такъ, по даннымъ имѣющейся у насъ анкеты изъ ссылки, изъ 200 опрошенныхъ 125 зарабатывали менѣе 15 руб. въ мѣсяцъ (а 15 р. необходимо минимумъ, чтобы не умереть съ голоду!), изъ нихъ 75 человѣкъ меньше 10 руб., а многіе лишь 2—4 р. въ мѣсяцъ или даже вовсе ничего... Неудивительно поэтому, что, напр., изъ этихъ 200 чел. 162 ужинаютъ только чаемъ съ сухимъ хлѣбомъ, а 16 не ужинаютъ вовсе, не имѣя даже чаю, и рады, если имъ хоть разъ въ день удастся поѣсть! А какъ часто и это не удается!

Такова жизнь въ ссылкѣ. До крайности изнурительный физическій трудъ, непосильный для истощеннаго долголѣтней тюрьмой организма, отвратительно притомъ оплачиваемый, полная матеріальная необезпеченность, постоянныя голодовки, недостатокъ одежды и т. п., — таковы были условія жизни на поселеніи еще до войны. Война много ухудшила это положеніе, а громадный притокъ военноплѣнныхъ довелъ кризисъ до небывалаго напряженія. Плата за трудъ, и безъ того мизерная, понизилась очень сильно, всѣ же продукты и квартиры сильно вздорожали, иногда втрое, вчетверо. И если до войны громадное большинство зарабатывало гораздо меньше, чѣмъ нужно, для того чтобы не умереть съ голоду, или даже ничего не зарабатывало, то теперь безработица и голодовки стали еще значительно острѣе. Положеніе многихъ, и раньше буквально умиравшихъ съ голоду, стало совсѣмъ уже безвыходнымъ... И тѣмъ большее моральное значеніе имѣютъ попытки помощи со стороны поселенцевъ военноплѣннымъ.

Само собою понятно, что матеріальные результаты этихъ усилій весьма незначительны и положеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ, просто отчаянное. Правительственныя репрессіи еще болѣе ухудшаютъ его. Администрація, увѣренная не только въ полной безнаказанности, но и поощреніи „за усердіе", довела преслѣдованіе „враговъ царя и отечества" до размѣровъ еще никогда не бывалыхъ даже въ Россіи до этой эпохи „диктатуры штыка и нагайки". Повидимому свыше данъ сигналъ къ еще болѣе ожесточенному преслѣдованію политическихъ ссыльныхъ и безъ преувеличенія можно предсказать, что *все то, что пришлось до сихъ поръ пережить политическимъ на каторгѣ и въ Сибири, лишь слабое предвкушеніе того, что имъ готовитъ въ будущемъ озвѣрѣвшее русское правительство*. Вообще въ Россіи уже наступаетъ эра такой жестокой реакціи, передъ которой блѣднѣетъ все пережитое за послѣдніе годы. Новыя тысячи людей заполнятъ тюрьмы, пойдутъ, гремя кандалами, на поселеніе.... А въ самыхъ тюрьмахъ создаются уже теперь такія условія „жизни" политическихъ, передъ которыми поблѣднѣютъ скоро ужасы Орловскаго Централа, Кутомары и Алгачей!...

Б. Краковскій.

401

тно. Непонятно же намъ все въ нихъ — отъ начала до конца. Мы расходимся съ Вами, однимъ изъ наиболѣе видныхъ теоретиковъ международнаго анархизма, не только въ личной оцѣнкѣ событій, но и въ принципіальномъ отношеніи къ нимъ. И для насъ прежде всего возникаетъ вопросъ: въ чемъ же причина нашего расхожденія съ Вами? Въ томъ ли, что мы плохіе анархисты, а Вы — хорошій; или, наоборотъ, въ томъ, что мы остались анархистами, а Вы перестали быть имъ? Двухъ различныхъ анархизмовъ не существуетъ и потому я считаю, что поступаю правильно, формулируя свой вопросъ Вамъ именно такъ, а не иначе.

Кромѣ того — этотъ вопросъ я считаю тоже очень важнымъ — я просилъ бы Васъ указать намъ, съ какого момента Вы опредѣляете нашу несолидарность. Знали ли Вы еще до войны, что между Вами и Вашими товарищами нѣтъ общности міросозерцанія, или и для Васъ также эта общность порвалась лишь въ связи съ войной?

Третій и послѣдній вопросъ: полагаете ли Вы, что Ваша теперешняя позиція логически вытекаетъ изъ всего того, что Вы утверждали раньше, а не противорѣчитъ этому?

Чтобы облегчить Вамъ отвѣтъ на мои вопросы, я тутъ же укажу, въ чемъ мы съ Вами всегда соглашались и въ чемъ теперь несогласны.

Прежде Вы находили, что всѣ безъ различія формы государственности въ одинаковой мѣрѣ орудія угнетенія трудящихся классовъ, и потому Вы были антидемократомъ. Въ 1883 году Вы заявили предъ Ліонскимъ исправительнымъ судомъ:

„Мы хотимъ свободы и мы думаемъ, что ея существованіе несовмѣстимо съ существованіемъ какой бы то ни было государственной власти, каковы бы ни были ея происхожденіе и форма: будь она избираема или навязана, монархическая или республиканская; покоится ли она на божескомъ правѣ или на правѣ народа, на міропомазаніи или всеобщей подачѣ голосовъ. Исторія насъ учитъ, что всѣ правительства походятъ другъ на друга и стоятъ другъ друга. Самыя лучшія являются самыми худшими. У однихъ больше цинизма, у другихъ больше лицемѣрія. У всѣхъ одинъ и тотъ же языкъ, вездѣ одна и та же нетерпимость. Даже самыя либеральныя на видъ и тѣ хранятъ про запасъ въ пыли старыхъ законовъ какой нибудь ловкій закончикъ противъ Интернаціонала, чтобы примѣнить его при случаѣ къ своимъ неудобнымъ противникамъ. Другими словами, въ глазахъ анархистовъ зло заключается не въ той или иной формѣ правленія, а въ самой идеѣ правленія, въ самомъ принципѣ власти“.

Позже Вы ту же самую мысль высказывали неоднократно во многихъ Вашихъ произведеніяхъ. Между прочимъ, въ „Анархіи“ Вы говорите:

„Государство было выработано, создано вѣками съ тѣмъ, чтобы утвердить господство привилегированныхъ классовъ надъ крестьянами и рабочими. И, вслѣдствіе этого, ни Церковь ни Государство не могутъ теперь сдѣлаться тою силою, которая послужила бы къ уничтоженію этихъ привилегій.“ И дальше: „Орудіе угнетенія, порабощенія, рабской подчиненности не можетъ стать орудіемъ освобожденія.“

Вы не протестовали, когда на столбцахъ журнала „Хлѣбъ и Воля“, выходившаго при Вашемъ ближайшемъ участіи, была напечатана статья Элизе Реклю, въ которой авторъ говоритъ:

„Довольно мы терпѣли всѣхъ царей и королей, боговъ помазанныхъ или поставленныхъ волею народа, всѣхъ этихъ полномочныхъ министровъ, отвѣтственныхъ или неотвѣтственныхъ; этихъ законодателей, которые добились отъ царя или стада избирателей своей „части государства“; этихъ судей, которые продаютъ тому, кто дороже заплатитъ, то, что они называютъ „правосудіемъ“; этихъ поповъ, которые, представляя бога на землѣ, обѣщаютъ мѣсто въ раю тѣмъ, кто становится ихъ рабомъ...“ И тамъ же: „...мы, анархисты, не думаемъ заняться снова постройкой государства, которое мы довели до полнаго отрицанія.“

А что говорили Вы сравнительно недавно, всего 10 лѣтъ тому назадъ, о войнѣ? Передо мною Вашъ отвѣтъ одному французу по поводу русско-японской войны:

„Всякая война есть зло, кончается ли она побѣдой или пораженіемъ; зло для воюющихъ сторонъ, зло для нейтральныхъ. Я не вѣрю въ благодѣтельныя войны..... Желтые и бѣлые, японскіе, русскіе или англійскіе капиталисты мнѣ одинаково ненавистны. Я предпочитаю стать на сторону молодой японской соціалистической партіи. Какъ она ни малочисленна, но она является выразительницей мысли японскаго народа, когда высказывается *противъ войны*... Словомъ, въ только что вспыхнувшей войнѣ я вижу бѣдствіе, опасность для прогрессивнаго движенія въ Европѣ вообще. *Можетъ ли торжество самыхъ низменныхъ инстинктовъ современнаго капитализма содѣйствовать торжеству прогресса?*“

Итакъ, иной взглядъ на общество, присущій анархистамъ, выражался и у Васъ тоже не только въ отношеніи къ будущему обществу, но и къ современному. Мы всегда находили, заодно съ Вами, что свобода несовмѣстима съ существованіемъ какой бы то ни было государственной власти, каковы бы ни были ея происхожденіе и форма. Въ нашихъ глазахъ, какъ и въ Вашихъ, зло (а, слѣдовательно, и добро) заключалось не въ той или иной формѣ правленія, а въ самомъ принципѣ власти.

Какъ и Вы, мы тоже полагали, что орудіе угнетенія не можетъ ни при какихъ условіяхъ стать орудіемъ освобожденія. На основаніи этой истины, всегда бывшей для насъ аксіомой, мы отвергали практикуемое соціалистами классовое сотрудничество и старались оторвать пролетаріатъ отъ политической борьбы на почвѣ общегосударственнаго законодательства. Это положеніе обострялось нами до максимума, до абсолютнаго исключенія какихъ бы то ни было оговорокъ или смягчающихъ формулъ. Въ № 4 „Хлѣбъ и Воля“ мы, въ статьѣ „Для характеристики нашей тактики“, подчеркивали его:

„Между нами и буржуазіей не можетъ быть никакого союза, никакой даже временной коалиціи. Между нами и буржуазіей нѣтъ другого общаго поля дѣйствія, кромѣ поля битвы, гдѣ каждый изъ насъ старается зарыть другого въ могилу.

„Мы убѣждены, что *нѣтъ такого историческаго момента*, который требовалъ бы отъ пролетаріата союза съ буржуазными партіями, *потому что пролетаріатъ не можетъ даже временно войти въ союзъ съ буржуазными партіями, не пріостановивъ свою борьбу съ буржуазіей*“.

Такъ же думалъ и нашъ общій учитель, столь ненавистный всѣмъ соціалистамъ-государственникамъ Бакунинъ. Онъ еще въ эпоху Перваго Интернаціонала ясно предвидѣлъ, къ чему придетъ рабочій классъ, участвуя въ буржуазной политикѣ, и потому вышелъ изъ вставшаго на путь политической борьбы марксовскаго Интернаціонала. Онъ говорилъ въ своей замѣчательной, мѣстами пророческой статьѣ „Политика Интернаціонала“:

„Народъ всегда обманывался. Даже великая французская революція, и та его обманула. Она убила дворянскую аристократію, но посадила на ея мѣсто буржуазію; народъ не зовется больше ни рабомъ, ни крѣпостнымъ, онъ провозглашенъ свободнымъ, обладающимъ всѣми правами, но фактически его рабство и нищета остались все тѣми же.

„И они останутся тѣми же до тѣхъ поръ, пока народныя массы будутъ служить орудіемъ буржуазной политики, будетъ ли эта политика называться консервативной, либеральной, прогрессивной, радикальной и даже если она придастъ себѣ самый революціонный видъ. Ибо всякая буржуазная политика, каковы бы ни были ея цвѣтъ и названіе, можетъ имѣть, въ сущности, только одну цѣль: *удержаніе господства буржуазіи*; *господство же буржуазіи есть рабство пролетаріата*.

„Что же долженъ былъ дѣлать Интернаціоналъ? Онъ долженъ былъ прежде всего устранить рабочую массу отъ всякой буржуазной политики, долженъ былъ исключить изъ своей программы всѣ буржуазно-политическія программы“.

Такимъ образомъ, Вы до войны безоговорочно высказывали *одинаково* отрицательное отношеніе *ко всѣмъ* формамъ буржуазной государственности и тѣмъ самымъ признавали формулировки Бакунина.

До войны Вы утверждали, что существованіе свободы несовмѣстимо съ существованіемъ какой бы то ни было государственной власти, *каковы бы ни были ея происхожденіе и форма*.

Далѣе Вы находили, что *всѣ правительства походятъ другъ на друга и стоятъ другъ друга*. Что ни одно изъ существующихъ государствъ *не можетъ стать орудіемъ освобожденія*.

По вопросу о войнѣ, Вы безоговорочно считали ее зломъ и находили, что никакая война, какъ результатъ низменныхъ инстинктовъ капитализма, *не можетъ содѣйствовать торжеству прогресса*.

Теперь же Вы говорите намъ: „*Въ настоящее время всякій человѣкъ, который хочетъ сдѣлать что нибудь полезное для спасенія европейской цивилизаціи и для продолженія борьбы за рабочій Интернаціоналъ, можетъ и долженъ дѣлать одно: помогать пораженію врага нашихъ самыхъ дорогихъ стремленій — прусскаго милитаризма*“.

Уже въ одной этой фразѣ заключается *полное опроверженіе* всего того, что Вы говорили прежде. Вѣдь, если мы „для спасенія европейской цивилизаціи“ должны идти войной на нѣмцевъ, то, вѣроятно, потому, что либеральная Англія и республиканская Франція съ ихъ милитаризмами представляютъ собою большія цѣнности, чѣмъ Германія? Какимъ же образомъ Вы раньше утверждали, что *всѣ* правительства стоятъ другъ друга? Далѣе, если Англія и Франція заключаютъ въ себѣ больше элементовъ *соціалистическаго* прогресса, нежели Германія, и если ихъ побѣда скорѣе откроетъ намъ двери для продолженія борьбы за рабочій Интернаціоналъ, чѣмъ побѣда Германіи, то, слѣдовательно, Англія и Франція, какъ представительницы болѣе демократическихъ культуръ, являются въ большей мѣрѣ орудіями освобожденія, чѣмъ императорская Германія? А какъ же Вы раньше учили насъ, *что ни одно изъ существующихъ государствъ не можетъ стать орудіемъ освобожденія*?

Вы велите намъ теперь идти волонтерами и стрѣлять въ нѣмецкихъ рабочихъ изъ пятидесятидюймовыхъ орудій для того, чтобы спасти европейскую культуру и цивилизацію. Въ чемъ же преимущества франко-англійской культуры надъ германской? Развѣ она гарантируетъ рабочимъ „равенство на дѣлѣ“, къ которому стремилась французская революція? „Только въ обществѣ равныхъ мы найдемъ справедливость“, говорили Вы намъ, а развѣ въ франко-англійской культурѣ хоть на одинъ золотникъ больше экономическаго равенства и справедливости, чѣмъ въ германской? „Полное развитіе личности разрѣшается только тѣмъ, кто не угрожаетъ никакой опасностью буржуазному обществу“, говорили Вы намъ далѣе, — но развѣ французская республика или англійская демократія разрѣшаютъ на свою цѣлостность въ буржуазно-капиталистическомъ значеніи этого слова больше покушеній, чѣмъ германскій цезаризмъ?

Затѣмъ мнѣ кажется, что лозунгъ „необходимо защищать высшую культуру“, если уже стать на точку не-соціалистическую, а чисто-буржуазную оцѣнку существующихъ западно-европейскихъ культуръ, вообще приводитъ къ національно-государственнымъ *практическимъ* выводамъ. Тогда намъ, вѣроятно, часто придется становиться на сторону любого „болѣе культурнаго“ государства въ будущихъ войнахъ. Тогда мы, въ интересахъ защиты предпочитаемой нами культуры, вообще не имѣемъ права быть антимилитаристами, а обязаны вотировать военные кредиты по требованію государства, которое эту высшую культуру охраняетъ, и обязаны поддерживать милитаризмъ, который выполняетъ высокую миссію ея защиты. Тогда мы, въ конечномъ счетѣ, должны будемъ признать, что разъ наше участіе въ войнѣ является необходимымъ въ интересахъ продолженія борьбы за рабочій Интернаціоналъ, то милитаризмъ, въ данномъ случаѣ прокладывающій намъ пути къ нашему соціалистическому идеалу, долженъ быть включенъ, какъ категорическій императивъ, въ нашу анархическую тактику.

Наконецъ, еще одно маленькое обстоятельство, на которое мнѣ хотѣлось бы указать. Вы, призывая насъ къ активной поддержкѣ тройственнаго согласія, ссылаетесь на то, что „на защиту Франціи, тотчасъ же послѣ паденія Наполеона III, всталъ старикъ Гарибальди“. Это, можетъ быть, было и очень хорошимъ поступкомъ со стороны свободолюбиваго итальянскаго полководца, но — я не совсѣмъ понимаю, какое это можетъ имѣть отношеніе къ намъ? Развѣ Гарибальди тоже былъ анархистъ?

Вотъ тѣ вопросы, которые возникли для многихъ изъ насъ послѣ Вашихъ выступленій, глубокоуважаемый Петръ Алексѣевичъ, и которые мы просили бы Васъ не оставить безъ отвѣта.

Александръ Ге.

О РЕВОЛЮЦІОННОМЪ СИНДИКАЛИЗМѢ.

I. Синдикалистское и антисиндикалистское направленіе въ нашемъ движеніи опредѣлилось въ борьбѣ хлѣбовольцевъ съ чернознаменцами. Всѣ подробности этой борьбы я очень хорошо помню, ибо мѣстомъ ея была Женева и этотъ городъ былъ тогда центромъ какъ чернознаменцевъ, такъ и хлѣбовольцевъ. У меня есть еще и другое основаніе помнить эти подробности: какъ газетою, такъ и издательской группою „Хлѣбъ и Воля“ руководили Л. Н-ва и пишущій эти строки (въ первые нѣсколько мѣсяцевъ участвовало еще два товарища, потомъ они уѣхали) и удары сыпались, главнымъ образомъ, на насъ. Поэтому я прекрасно помню, на какой почвѣ происходила борьба: можно ли, должно ли вступать въ безпартійныя организаціи; можетъ ли анархистъ вступать въ безпартійныя организаціи, — синдикаты, — не противорѣча анархическимъ принципамъ, не измѣняя анархической тактикѣ, анархическому идеалу? Чернознаменцы были убѣждены, что вступленіе въ безпартійныя организаціи кромѣ вреда ничего анархизму принести не можетъ, и высказывались противъ вступленія въ безпартійные профессіональные союзы, они предлагали организовывать чисто анархическіе синдикаты, на подобіе, напримѣръ, чешскихъ.

Хлѣбовольцы же отстаивали необходимость вступленія въ безпартійныя рабочія организаціи, ибо въ анархическихъ синдикатахъ пришлось бы имѣть дѣло съ „обращенными“, т. е. съ тѣми, которые уже пришли къ анархизму, слѣдовательно, тамъ для анархической пропаганды не было бы мѣста; кромѣ того, въ такой синдикатъ могли бы вступать только анархисты, и онъ былъ бы не широкой рабочей организаціей, а анархической группою или „партіей“ ¹); тогда какъ двери безпартійной организаціи широко раскрыты и для совершенно сѣрой массы, благодаря чему безпартійныя организаціи носятъ характеръ широкихъ массовыхъ организацій и по количеству рабочихъ, имѣющихся въ нихъ, всегда будутъ превосходить партійныя организаціи. Нужно идти туда, гдѣ больше сѣрой массы, гдѣ больше требуется наша пропаганда, гдѣ есть, кого „обращать“, приводить къ анархизму, тѣмъ болѣе, что разъ мы массу считаемъ основнымъ элементомъ общественнаго переворота, мы должны первенствующее значеніе придавать пропагандѣ и дѣятельности именно въ широкой массѣ. Въ этомъ смыслѣ я и теперь цѣликомъ стою на старой хлѣбовольческой позиціи, но, какъ это видно изъ моихъ дальнѣйшихъ работъ, синдикализмъ для меня далеко не догма.

II. Моя критика синдикализма, являясь результатомъ давно продуманной умственной работы, еще больше укрѣпилась, благодаря полемикѣ Гильома и Малатесты, Моната и Бертони, потому что во время этой полемики были высказаны новыя мысли, которыя, по моему, приводятъ къ пересмотру нѣкоторыхъ старыхъ положеній. Эта полемика заставила меня задуматься надъ тѣмъ, надъ чѣмъ я раньше не задумывался, и послѣ долгихъ исканій и борьбы съ самимъ собою я долженъ былъ признать, что сильно переоцѣнивалъ значеніе синдикализма; такъ, напр., я долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что синдикаты, какъ безпартійныя организаціи, будутъ играть роль фактора общественнаго переворота не въ качествѣ единаго нераздѣльнаго организма, т. е. не непосредственно, какъ таковые, а косвенно: представляя изъ себя среду, въ которой неустанная сознательная пропаганда вырабатываетъ сознательныхъ борцовъ за лучшее будущее. Раньше я думалъ, что синдикаты носятъ въ себѣ зачатки будущаго анархическаго строя; болѣе близкое изученіе профессіональнаго движенія показало мнѣ, что я заблуждался. Но развѣ этотъ вопросъ у насъ окончательно разрѣшенъ? Развѣ онъ связанъ съ нашимъ міровоззрѣніемъ?

Я теперь немного иначе говорю и пишу о такъ называемомъ революціонномъ синдикализмѣ, потому что революціонный синдикализмъ *значительно измѣнился къ худшему*, а слова, по моему, должны соотвѣтствовать дѣйствительности. Вотъ почему я не считаю возможнымъ по старому пѣть диѳирамбы революціонному синдикализму, разъ онъ этого больше не заслуживаетъ. Измѣненіе профессіональнаго движенія къ лучшему мы встрѣтили съ восторгомъ, а измѣненіе его къ худшему, выразившееся, напр., въ усиленіи централизаціи и реформистскаго настроенія, въ проявленіи узкаго корпоратизма и эгоизма ²), мы должны встрѣчать съ чувствомъ сожалѣнія. Мы должны бороться какъ противъ пережитковъ прошлаго, такъ и противъ вновь пріобрѣтенныхъ синдикализмомъ дурныхъ свойствъ.

III. Синдикатъ, говоритъ Малатеста, развивается по линіи, начертанной капитализмомъ. И дѣйствительно, синдикатъ прежде всего органъ борьбы съ капиталистическимъ строемъ въ рамкахъ капиталистическаго же строя; синдикатъ, сказалъ бы я, есть порожденіе капитализма; это два явленія, связанныя между собою какъ причина и слѣдствіе, — исчезаетъ причина, должно исчезнуть и слѣдствіе.

Неужели для насъ не ясно, что анархическое понятіе соціальной революціи значительно шире и глубже, чѣмъ понятіе о ней синдикалистовъ? Неужели не ясно, что самъ анархическій строй, являющійся результатомъ ряда революцій, гораздо шире, просторнѣе и вмѣстительнѣе синдикатовъ? *Общество производителей не есть общество борьбы*, и въ будущемъ составъ производителей будетъ иной, чѣмъ въ современныхъ синдикатахъ. Общество производителей, которое, какъ я только что сказалъ, не есть общество борьбы, а творчества, использустъ для производительной работы массу такихъ элементовъ, которые теперь находятся внѣ синдикатовъ и всегда будутъ находиться внѣ ихъ.

IV. Я считалъ и теперь считаю нужнымъ указывать на то зло, какое приноситъ нашему движенію на Западѣ синдикалистское чиновничество. Оно лишило его лучшихъ пропагандистовъ и дѣятелей и дало начало образованію среди рабочаго класса зловредной бюрократіи. Я думаю, какъ Малатеста, Бертони, Винчъ, Пьерро и многіе другіе французскіе и итальянскіе товарищи, что анархистъ, занявшій платное мѣсто во главѣ безпартійной организаціи, — человѣкъ пропавшій для анархизма.

И, дѣйствительно, всѣ анархисты, *за крайне рѣдкими исключеніями*, занявшіе платныя секретарскія мѣста во главѣ безпартійныхъ организацій, пропали для анархизма. Примѣровъ сколько угодно: Жуо, теперешній секретарь Конфедераціи Труда ³), до своего избранія въ секретари былъ крайнимъ анархистомъ, а теперь не только бросилъ анархизмъ, но даже воюетъ съ нимъ; Дюкуленъ, бывшій сотрудникъ анархической газеты Les Temps Nouveaux, сдѣлавшись помощникомъ секретаря Конфедераціи Труда, бросилъ анархизмъ; Пуже тоже, побывъ помощникомъ секретаря Конфедераціи Труда, сталъ, мало по малу, удаляться отъ анархизма и потомъ совершенно бросилъ его; Дюма, сдѣлавшись секретаремъ федераціи портныхъ, бросилъ анархизмъ ⁴); теперешній секретарь Федераціи строительныхъ рабочихъ, Николе, не только бросилъ анархизмъ, но и сталъ бороться съ нимъ, и т. д. и т. д. Всѣ эти люди были нашими лучшими дѣятелями и пропагандистами и всѣхъ ихъ мы потеряли изъ за чиновничества. Не является ли долгомъ каждаго анархиста, увидавшаго эту опасность, указать на нее и предостеречь отъ нея товарищей?

Разъ крупныя организаціи безъ секретаря обойтись не могутъ, то пусть въ секретари идутъ тѣ, кого секретарство не приводитъ къ ренегатству, а анархисты пусть остаются въ массѣ и работаютъ въ самомъ народѣ, гдѣ ихъ работа производительнѣе и нужнѣе; ибо, если мы вѣримъ въ массовое творчество и по старому считаемъ, что существуетъ тѣсная связь между тремя элементами массоваго творчества — личность, инціативное меньшинство, масса, — то мы должны работать въ соотвѣтствующемъ направленіи и готовить тѣ элементы, которые будутъ способны творить снизу вверхъ, а не наоборотъ. Или товарищи усомнились въ дѣйствительности массоваго творчества и масса для нихъ стала стадомъ, которое надо вести сверху?

V. Затѣмъ я думаю, что для анархиста никакой другой „измъ“, какъ міровоззрѣніе, непріемлемъ, кромѣ анархизма; непріемлемъ для меня и синдикализмъ, поскольку онъ есть „измъ“, т. е. міровоззрѣніе, которое не является анархическимъ. Одно дѣло рабочее движеніе, какъ фактъ громадной исторической важности, и другое дѣло міровоззрѣніе, которое привносится въ рабочую среду различными элементами. Если я цѣликомъ принимаю рабочее движеніе, даже съ его недостатками, — ибо эти недостатки могутъ быть устранены и къ этому стремится наша пропаганда, — то „измъ“, какой бы онъ ни былъ, разъ только онъ не анархизмъ, я цѣликомъ отвергаю. Я, какъ анархистъ, вопроса иначе поставить не могу.

Малатеста заявляетъ, что постольку, поскольку синдикализмъ является „*измомъ*“, онъ не синдикалистъ; онъ отрицаетъ за синдикализмомъ самостоятельную творческую силу и находитъ, что рабочія профессіональныя организаціи могутъ быть соціально-революціоннымъ факторомъ, но могутъ также превратиться въ соціально-консервативный факторъ, смотря по тому, какія силы получатъ преобладаніе въ нихъ ⁵). Тотъ же Малатеста говоритъ: „намъ нужно осуществить нашу анархическую революцію и мы будемъ осуществлять ее при помощи unione sindicale (революціонно-синдикалистская организація) ⁶), а если нужно будетъ, то и противъ него“. Но, прибавляетъ онъ, чтобы совершить революцію, намъ нуженъ народъ, а потому онъ совѣтуетъ своимъ товарищамъ вступать въ синдикаты и работать тамъ, оставаясь всегда анархистами, дѣйствуя всегда, какъ анархисты, во имя анархизма. Насколько мнѣ извѣстно, за такіе взгляды никто не объявляетъ товарища Малатеста антисиндикалистомъ. Я вполнѣ солидаренъ съ нимъ въ той оцѣнкѣ, которую онъ даетъ революціонному синдикализму въ своей рѣчи на Амстердамскомъ международномъ съѣздѣ и въ своихъ статьяхъ въ газетѣ Volonta.

---

¹) Мы всегда придавали очень большое значеніе организаціи группъ и ихъ объединенію на федеративныхъ началахъ, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что отстаивая необходимость вступленія въ безпартійныя организаціи, мы тѣмъ самымъ подчеркивали наше желаніе участвовать въ массовомъ рабочемъ движеніи.

²) Ко всему этому теперь еще нужно прибавить націонализмъ, котораго мы раньше въ синдикализмѣ не подозрѣвали.

³) Теперь онъ кромѣ того Государственный Комиссаръ!

⁴) Въ послѣднее время онъ перекочевалъ въ лагерь объединенныхъ соціалистовъ.

⁵) Война показала, что Малатеста былъ правъ.

⁶) И тутъ Малатеста правъ, поведеніе Де-Амбриса и его товарищей еще хуже французскихъ синдикалистовъ. Французскіе синдикалисты „приняли“ войну а Де-Амбрисъ и его друзья подстрекаютъ къ ней.

VI. Я всегда думалъ, что мы, анархисты, непримиримые противники централистическаго принципа организаціи, а потому считалъ умѣстнымъ критиковать централизмъ и вскрыть ту нелѣпость, которая кроется въ понятіи „нецентралистическая централизація"; ибо спутываніе двухъ понятій — централизаціи и децентрализаціи — составляетъ характерную черту того организаціоннаго принципа, который въ послѣднее время начинаетъ преобладать въ синдикалистскихъ кругахъ. Съ одной стороны, говорятъ синдикалисты, мы должны противупоставить сильно централизованныя организаціи централизованнымъ организаціямъ хозяевъ, но, съ другой стороны, мы, созданіемъ интеръ-синдикальныхъ и районныхъ организацій, обезвредимъ этотъ централизмъ. Насадить зло, а потомъ бороться противъ него! Я думаю, что эта своеобразная синдикалистская діалектика для анархистовъ, которые всегда высказывались противъ всякой лѣстничной организаціи, непріемлема [1]).

VII. Организація не есть цѣль, а средство. Въ выясненіи цѣлесообразности организаціи нельзя быть догматикомъ, — мы не католики, а анархисты. Католикъ о Богѣ не споритъ, а вѣритъ въ него, мы же на слово не вѣримъ никому, мы споримъ, изучаемъ и это приводитъ насъ къ убѣжденію истинности того или другого положенія; изученіе же безпартійныхъ органазацій тамъ, гдѣ онѣ проявлялись въ наиболѣе положительной формѣ, — во Франціи, — меня привело къ убѣжденію, что въ безпартійныхъ организаціяхъ политическая однородность недостижима; это фактъ, съ которымъ нужно считаться, иначе онѣ не были бы безпартійными организаціями; иначе невозможно было бы существованіе профессіональныхъ союзовъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ быть горячимъ сторонникомъ профессіональныхъ организацій: въ нихъ группируется значительная часть производителей, затѣмъ — онѣ наиболѣе доступная для рабочаго форма организаціи; а организація массы, собираніе силъ, необходимы какъ для осуществленія практической солидарности въ повседневной борьбѣ рабочихъ, такъ и для всякаго рода совмѣстныхъ выступленій. И для меня чѣмъ дальше, тѣмъ становится яснѣе, что, въ интересахъ сохраненія цѣльности организацій, рабочей массѣ, группирующейся въ профессіональныхъ союзахъ, не можетъ быть навязанъ извнѣ ни одинъ опредѣленный идеалъ. Безпартійная организація не можетъ быть ни марксистской ни анархической. Если бы, напр., профессіональныя организаціи объявили себя вдругъ соціальдемократическими, то само собою ясно, что анархистамъ пришлось бы уйти изъ нихъ; то же пришлось бы сдѣлать и соціальдемократамъ, если бы онѣ вдругъ объявили себя анархическими. Но если политическая неоднородность профессіональныхъ организацій является обязательной, то онѣ должны представлять собою настоящую лабораторію идей, въ которой идейная жизнь бьетъ ключемъ. Поэтому, именно, въ массѣ производителей мы должны энергичнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, вести пропаганду нашихъ идей.

Какъ соціальдемократы вербуютъ въ этой массѣ своихъ избирателей, такъ и мы должны вербовать въ ней сознательныхъ анархистовъ. Изъ этого видно, что въ безпартійныхъ синдикатахъ, хотя они и не являются самостоятельной творческой силой въ качествѣ единой и нераздѣльной организаціи, должны сложиться и разцвѣтиться элементы соціально-революціоннаго творчества; вотъ гдѣ, по моему, кроется, между прочимъ, великое значеніе безпартійныхъ организацій.

Я глубоко убѣжденъ, что безпартійная революція невозможна; скажу еще рѣзче: понятіе „безпартійная революція" — нелѣпость. Борьба въ дни освободительнаго движенія должна происходить вокругъ опредѣленныхъ идеаловъ. Поэтому безпартійныя организаціи неминуемо распадутся, когда начнется строительство. Нелѣпо думать, что за анархическій строй будутъ бороться соціальдемократы, или за соціальдемократическій строй — анархисты; а потому постоянная идейная работа въ рабочей средѣ должна быть разсматриваема, съ анархической точки зрѣнія, какъ наиболѣе важная задача. Идеологія, идейная пропаганда — не пустое слово; эта пропаганда приноситъ въ рабочемъ движеніи плоды какъ намъ, такъ и нашимъ противникамъ, въ зависимости отъ того, кѣмъ и какъ она ведется. Если рабочіе-анархисты, работающіе въ профессіональномъ движеніи, пріобрѣтаютъ адептовъ, не надо забывать, что рабочіе-соціальдемократы, работающіе тамъ же, тоже пріобрѣтаютъ ихъ. Нельзя говорить вѣчно о безсознательныхъ рабочихъ; за десятки и десятки лѣтъ неустанной пропаганды и дѣятельности въ рабочей средѣ образовался извѣстный контингентъ сознательныхъ рабочихъ, даже очень сознательныхъ, которые знаютъ, къ чему надо стремиться; пока, можетъ быть, ихъ не очень много, но число ихъ постоянно растетъ. Чѣмъ больше растетъ идейная сознательность рабочихъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе становится ихъ *сознательная* приверженность къ опредѣленнымъ идеаламъ. Такъ что въ настоящее время не только экономическое положеніе, но и идеологія раскалываетъ рабочую массу. На это указываютъ, между прочимъ, Корнелиссенъ, Малатеста, Бертони, не говоря о цѣломъ рядѣ ученыхъ, которые занимались изслѣдованіемъ взаимоотношенія классовъ въ современномъ обществѣ. Идеологія пріобрѣтаетъ громадное значеніе: указываніе на одинъ только экономическій интересъ стало уже недостаточнымъ, такъ какъ идейный элементъ въ общественномъ движеніи пріобрѣтаетъ громадное значеніе. Люди сознательно стремятся къ опредѣленному идеалу, сознательное меньшинство, носитель опредѣленнаго идеала, „близкаго народной душѣ", увлекаетъ массу за собою. Чѣмъ сознательнѣе стремленіе къ идеалу, чѣмъ ярче и опредѣленнѣе обрисовывается онъ въ умахъ борцовъ, чѣмъ упорнѣе и послѣдовательнѣе ведется борьба за него, тѣмъ больше шансовъ на успѣхъ.

Какъ въ народной массѣ не живетъ только одинъ какой нибудь идеалъ, а нѣсколько, такъ и въ современныхъ безпартійныхъ организаціяхъ тоже живутъ и развиваются нѣсколько идеаловъ, порою взаимно другъ друга исключающихъ. Въ этой многоидейной массѣ, *не пренебрегая и той, которая находится внѣ организацій*, намъ нужно особенно энергично вести пропаганду за нашъ идеалъ и слѣдуетъ набирать горячихъ и преданныхъ поборниковъ анархизма. Ибо это и есть та все растущая масса, которую не приходится искать, которая уже имѣется налицо, въ которой, благодаря нашимъ усиліямъ, должно образоваться то революціонное меньшинство, которое не допуститъ, чтобы грядущая соціальная революція прошла безслѣдно для анархизма.

К. Оргеіани.

[1]) Война показала, что я былъ правъ, когда говорилъ объ опасности, грозящей синдикализму вслѣдствіе проникнанія въ него централизаціи. Провинція ждала отъ Конфедераціи Труда „декрета", чтобы предпринять что нибудь противъ войны, — ждала разрѣшенія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Настоящая статья т. Оргеіани была написана имъ непосредственно до войны для помѣщенія въ № 6 „Рабочаго Міра" въ связи съ дискуссіей, возникшей въ нашей средѣ по вопросу о революціонномъ синдикализмѣ. Находя именно въ настоящій моментъ возобновленіе этой дискуссіи очень желательнымъ, мы теперь печатаемъ какъ его статью, такъ и статью т. Ф. А. на ту же тему. Какъ увидятъ читатели, т. Оргеіани, будучи синдикалистомъ, все таки дѣлаетъ значительныя концессіи антисиндикализму, на точкѣ зрѣнія котораго всецѣло стоитъ т. Ф. А. Мы въ нѣкоторыхъ пунктахъ расходимся съ обоими авторами и, въ цѣляхъ развитія дискуссіи, въ слѣдующемъ № выскажемся ясно и опредѣленно по всѣмъ затронутымъ ими вопросамъ.

ЕЩЕ ОБЪ ОДНОМЪ БАНКРОТѢ.

Среди многихъ соціалистическихъ партій и рабочихъ организацій, принесшихъ въ жертву скрижали пролетарской свободы на алтарь кроваваго золотого тельца, — французская Конфедерація Труда занимаетъ весьма почетное мѣсто.

Если германская с.-д. партія служила примѣромъ и образцомъ для государственно-соціалистическихъ партій другихъ странъ, то французская Конфедерація Труда была примѣромъ и образцомъ для всѣхъ революціонныхъ синдикалистовъ.

Въ синдикализмѣ вообще и въ Конфедераціи Труда въ частности, многіе усматривали ячейки будущаго свободно-соціалистическаго общества.

Уничтоженіе частной собственности и государства черезъ прямое революціонное дѣйствіе, — вотъ программа, которую выставили французскіе синдикалисты слишкомъ два десятка лѣтъ тому назадъ и которую они у с т н о и п е ч а т н о защищали вплоть до объявленія настоящей войны.

Прямое воздѣйствіе!

Да, члены французской Конфедераціи въ настоящее время пользуются имъ, борясь съ оружіемъ въ рукахъ не противъ своихъ же собственныхъ французскихъ насильниковъ и эксплуататоровъ, не за свою собственную экономическую и соціальную свободу, но за демократическую республику, которой они собираются осчастливить нѣмецкихъ пролетаріевъ, груди которыхъ они теперь прокалываютъ своими штыками. Французская Конфедерація, отказавшаяся въ теоріи отъ парламентской борьбы и неоднократно повторявшая, что отъ государства рабочія массы ничего хорошаго не могутъ ожидать, — та же самая Конфедерація борется теперь бокъ о бокъ съ ея закоренѣлыми врагами... за „національную свободу" Франціи.

Свобода французской націи! Кто-кто, но французскіе синдикалисты хорошо должны были бы знать настоящую цѣну этой „свободы"!

Улицы парижскихъ рабочихъ кварталовъ могли бы имъ многое разсказать о размозженныхъ головахъ, о пролитой рабочей крови, о растоптанныхъ тѣлахъ, о безчисленныхъ жертвахъ французскаго „свободнаго" государства. И они, французскіе синдикалисты, ничего не выучили изъ исторіи, забыли уроки прошлаго, забыли о кровавой вакханаліи французской буржуазіи, о надруганіи надъ парижскими коммунарами, и вмѣстѣ съ другими темно-бѣсовскими силами Франціи они пляшутъ кровавую пляску смерти на развалинахъ оплеваннаго и обруганнаго соціалистическаго идеала.

И святотатственно звучитъ манифестъ Конфедераціи, недавно ею опубликованный, гдѣ она заявляетъ, что постоянно была противъ войны и желаетъ мира. Но предпринять въ настоящее время она ничего не можетъ и высказываетъ благое пожеланіе, чтобы по окончаніи войны, когда въ Гагѣ состоится правительственный конгрессъ мира, одновременно съ нимъ засѣдалъ также и рабочій конгрессъ.

Семь мѣсяцевъ продолжается кровавый пиръ; цѣлыя горы труповъ выросли на берегахъ рѣкъ Изера и Марны, и лишь теперь французская Конфедерація сочла нужнымъ заявить, что она противъ войны.

Противъ войны! Но одновременно она вооружается терпѣніемъ и ждетъ, пока война окончится, ждетъ того времени, когда состоится конгрессъ мира воюющихъ сторонъ, забывъ при этомъ, что задача революціонной рабочей организаціи заключается въ томъ, чтобы всѣми силами стараться остановить войну, и что чѣмъ больше рабочіе будутъ терпѣливы, тѣмъ дольше продолжится война.

Распался государственно-соціалистическій „Интернаціоналъ". Но этотъ распадъ является естественнымъ слѣдствіемъ государственно-соціалистическаго міровоззрѣнія. Государственный принципъ, вкрапленный въ соціализмъ, долженъ былъ въ силу логической необходимости неминуемо привести соціалистическія партіи къ защитѣ интересовъ національнаго государства.

Но банкротъ синдикализма (если допустить даже, что онъ временный) объясняется не его міровоззрѣніемъ, но противорѣчіемъ, заложеннымъ въ основы синдикализма.

Это противорѣчіе заключается *въ несоотвѣтствіи между теоріей и практикой синдикализма*.

Уничтоженіе современнаго буржуазнаго строя можетъ быть совершено при помощи прямой революціонной борьбы. Но французская Конфедерація, отказавшись отъ парламентскихъ методовъ борьбы, не усвоила себѣ и прямого революціоннаго дѣйствія. Стремясь къ созданію крупной организаціи, ея сила росла численно въ ущербъ качественности, благодаря чему дѣйствительная революціонно-созидательная сила была отодвинута на задній планъ.

600 тысячъ организованныхъ рабочихъ дѣйствительно очень внушительная сумма, но она очень мало говоритъ о настоящей революціонной цѣнности этихъ рабочихъ.

Большая масса разновидныхъ элементовъ, составлявшихъ Конфедерацію, внесла въ нее повседневный конкретизмъ, опредѣлила ея духовную сущность или, лучше сказать, ея принципіальную неопредѣленность. Прямая революціонная борьба была забыта, а ея мѣсто заняла практическая высчитанность повседневности.

Такимъ образомъ теоретическая декларація французской Конфедераціи объ уничтоженіи государства и частной собственности осталась лишь мертвой буквой, не имѣвшей никакого реальнаго значенія, и, основываясь на тактикѣ предвидѣнныхъ возможностей ограниченной конкретной побѣды, — она съ теченіемъ времени привела къ исчезновенію послѣдней революціонной искры.

Французскіе синдикированные рабочіе не имѣли никакого сознательнаго революціонно-практическаго воспитанія, идеи антигосударственности не вошли въ плоть и кровь синдикальныхъ организацій, — этимъ объясняется безпринципность дѣйствій французской Конфедераціи Труда во время объявленія войны.

Банкротъ французскаго синдикализма даетъ намъ хорошій историческій урокъ. Онъ учитъ насъ тому, что *сознательно-революціонное меньшинство* должно быть организовано на совершенно иныхъ началахъ; что въ нашемъ стремленіи создать сознательный авангардъ революціи мы должны прежде всего придавать больше значенія качеству, чѣмъ количеству, и слѣдить за тѣмъ, чтобы теоретическія декларація объ антигосударственности и уничтоженіи частной собственности шли рука объ руку съ революціонно-практической борьбой, цѣлью которой является замѣна ограниченныхъ конкретныхъ лозунговъ максимальными лозунгами. Тогда мы можемъ быть увѣрены, что результаты этой борьбы будутъ находиться въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ силой революціоннаго напряженія.

Ф. А.

НАШЕ СЛОВО „НАШЕМУ СЛОВУ".

„Существуетъ въ Европѣ небольшая и забавная группа лицъ, поставившая себѣ цѣлью не только наблюдать за общимъ ходомъ соціализма, но и строго держать его въ повиновеніи. Эта небольшая секта, убѣжденная, что она получила полномочія чуть ли не отъ самого царя небеснаго, защищаетъ свои права съ такой откровенной безжастѣнчивостью, что порой невольно начинаешь сомнѣваться, не освящена ли она какимъ нибудь особымъ избраніемъ? Члены этой секты, главная квартира которой находится въ Берлинѣ, подѣлили между собою власть надъ міромъ и каждый изъ нихъ, какъ наслѣдники Александра, господствуетъ надъ какой нибудь страной.

„Нашему Слову" милостивые боги назначили русскую эмиграцію заграницей. И надо отдать ему справедливость, — оно зорко слѣдитъ за спокойствіемъ во ввѣренномъ ему околоткѣ. Едва успѣло „Рабочее Знамя" появиться на свѣтъ божій, какъ блюстители международнаго соціальдемократическаго порядка забили въ набатъ.

По поводу посвященной намъ въ №44 „Наш. Слова" статьи мы прежде всего должны констатировать, что исторія ничему не научила русскихъ соціальдемократовъ: кажется, у нихъ достаточно было основаній для пересмотра своего багажа и достаточно времени для того, чтобы значительную часть его выбросить, какъ ненужный для пролетаріата хламъ, за окно. Но этого не было сдѣлано: даже методы полемики, пущенные въ соціальдемократическій обиходъ съ легкой руки Плеханова, остались въ неприкосновенности.

„Наше Слово" начинаетъ съ того, что дѣлаетъ видъ, будто бы не понимаетъ, что проблемы рабочаго движенія могутъ обсуждаться также и внѣ той прессы, которая впродолженіе десятилѣтій отравляла мозгъ и душу рабочаго класса пропагандой государственнаго крохоборческаго сервилизма, и пытается объяснить своимъ читателямъ причину появленія „Р. З." тѣмъ, что „міровая исторія не ждетъ и русскіе анархисты-коммунисты спѣшатъ вклеить въ нее свою страницу и пытаются въ мартѣ 1915 г. если не понять событія, разыгравшіяся въ августѣ 1914 г., то по крайней мѣрѣ говорить о нихъ *).

Если бы писатели изъ „Нашего Слова" лучше знали міровую исторію или хотя бы часть ея, — исторію современнаго рабочаго движенія, — и если бы они изучали рабочее движеніе не только по Іекку, а и по другимъ, болѣе добросовѣстнымъ и менѣе напоминающимъ учебники Иловайскаго источникамъ, то имъ бы ясно стало, какое громадное и все растущее мѣсто анархизмъ занимаетъ въ немъ. Что же касается, въ частности, № 1 „Р. З.", то его спеціальной цѣлью было показать, какъ некрасива и ужасна та страница, которую слишкомъ долго „вклеивала" и, наконецъ, „вклеила" рабочему классу „интернаціональная" соціальдемократія.

„Напрасно искали бы мы хоть какого либо вдумчиваго объясненія причинъ моральнаго распада Интернаціонала, кризиса въ международномъ рабочемъ движеніи...", говоритъ, указывая на „Р. З." плохо разбирающійся въ жизненныхъ явленіяхъ критикъ изъ „Нашего Слова". Тутъ совершенно явно выступаетъ тотъ характерный для соціальдемократовъ сектантскій провинціализмъ, который еще четверть вѣка тому назадъ, въ 1889 г., обратилъ на себя вниманіе нашихъ товарищей. На парижскомъ рабочемъ конгрессѣ Домела Ньювенгуйсъ тогда поставилъ на видъ соціальдемократамъ, что они рискуютъ превратиться въ „католическую церковь", ибо они забываютъ, что Марксъ вовсе не сказалъ „соціальдемократы всего міра, соединяйтесь!", а „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" Дѣйствительно, надо стоять на узко-сектантской точкѣ зрѣнія „Нашего Слова", чтобы отождествлять моральный распадъ Интернаціонала съ кризисомъ въ международномъ рабочемъ движеніи; это дѣйствительно значитъ — уподобиться католическому епископу, которому весь внѣшній міръ представляется такимъ, какимъ онъ наблюдаетъ его изъ маленькаго окошечка своего Ватикана, и подъ угломъ зрѣнія своего близорукаго католическаго ока. Неужели епископы соціальдемократической церкви все еще не могутъ взять въ толкъ, несмотря на преподнесенный имъ исторіей урокъ, что *соціальдемократическій* Интернаціоналъ и *рабочій* Интернаціоналъ — двѣ совсѣмъ различныя вещи. Первый безвозвратно погибъ, а второй только возникаетъ. *Мы о рабочемъ* Интернаціоналѣ не говорили, какъ о распавшемся организмѣ, ибо не можетъ распасться то, что не существовало. *Рабочій Интернаціоналъ* можетъ возникнуть только на основѣ *идейнаго и волевого единства* рабочаго класса, а до войны такого единства не было, былъ лишь *идейный и волевой антагонизмъ*, причемъ соціальдемократическое теченіе представляло собою только одно изъ многихъ теченій въ рабочемъ движеніи. *Идейный антагонизмъ* — вотъ причина кризиса въ международномъ *рабочемъ* движеніи и моральный распадъ *соціальдемократическаго Интернаціонала* съ этимъ кризисомъ рѣшительно ничего общаго не имѣетъ. Причина распада послѣдняго лежитъ въ его *классовой аморальности*, въ несоотвѣтствіи его *псевдопролетарскаго* идейнаго содержанія съ *дѣйствительными* интересами рабочаго движенія. При этомъ мы въ самомъ фактѣ распада соціальдемократической католической церкви, каковую представлялъ собою второй Интернаціоналъ, видимъ лишь историческую неизбѣжность, продиктованную ростомъ рабочаго класса, — лишь „логику исторіи", а отнюдь не вину соціальдемократіи, ибо нельзя обвинять ее въ томъ, что она, не будучи *по существу* партіей переворота, не обладала классово-*пролетарскимъ* инстинктомъ. За врожденное уродство даже кодексъ уголовнаго судопроизводства не предусматриваетъ наказанія. *Вина* соціальдемократіи заключается не въ ея моральномъ развалѣ, который, какъ мы постоянно указывали, былъ ей предопредѣленъ, а въ томъ, что она, *не по праву* присвоивъ себѣ наименованіе *рабочей* партіи, составляла тотъ элементъ идейнаго антагонизма въ рабочемъ движеніи, который совращалъ пролетаріатъ *на путь буржуазной практики*.

Содержаніе всей дальнѣйшей, направленной противъ насъ, „критики" „Нашего Слова" заключается въ примѣненіи метода, который народная мудрость опредѣлила словами „валить съ больной головы на здоровую". На насъ, видите ли, отражается сектантскій духъ кастовой, кружковой идеологіи, выразившійся въ томъ, что мы считаемъ развалъ соціальдемократическаго Интернаціонала исторически-закономѣрнымъ явленіемъ, а развалъ „анархическаго Интернаціонала" лишь печальнымъ *частнымъ* фактомъ **). Отвѣтимъ въ двухъ словахъ. Никакого „анархическаго Интернаціонала" не существовало и никогда анархисты *какъ компактная организація* за войну не высказывались. Указаніе на французскіе синдикаты очень неудачно: туда входили и анархисты, но синдикаты не были *анархическими организаціями*. Если въ моментъ объявленія войны наше вліяніе тамъ оказалось недостаточнымъ, то это бѣда, а не вина, и бѣда не только для насъ. Что же касается отдѣльныхъ выступленій нѣкоторыхъ анархистовъ, то мы на нихъ указали, и ни отъ себя, ни отъ другихъ не скрыли отрицательности этого явленія и его полнаго несоотвѣтствія съ нашей концепціей. При этомъ мы подчеркнули, что грѣхопаденіе соціальдемо-

*) Между прочимъ, это фактически не вѣрно: „Наше Слово" обходитъ молчаніемъ русскій органъ нашихъ американскихъ товарищей „Голосъ Труда", который не въ мартѣ 1915 г., а съ сентября 1914 г. очень опредѣленно защищаетъ принципы революціоннаго рабочаго интернаціонализма. Въ немъ постоянно принимали участіе и сотрудники „Рабочаго Знамени". „Голосъ Труда" — газета, въ Европѣ очень распространенная, и если „Наше Слово" умалчиваетъ о ней не умышленно, то мы поражаемся его литературной неосвѣдомленности. Но едва ли это *только* неосвѣдомленность.

**) Едва ли почтенному органу когда либо удастся опровергнуть это. Для опроверженія недостаточно одного лишь желанія, хотя бы даже и очень мучительнаго, а нужны факты. Послѣдніе же показываютъ, что изъ 25 извѣстныхъ намъ анархическихъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ настоящее время, только два — Land and Liberty и Freedom (послѣдній даже не остался на этой позиціи) высказались за войну. Въ самое послѣднее время еще вышли въ Португаліи Germinal и въ Италіи Sfido, которые пытаются защитить точку зрѣнія П. А. Кропоткина. Вотъ и весь „развалъ" анархической прессы. Для болѣе подробнаго ознакомленія отсылаемъ „Наше Слово" къ статьѣ т. Л. Н-вой „Отношеніе международной анархической прессы къ войнѣ.", въ №№ 27—28 „Голоса Труда".

Что касается анархическихъ организацій, то на всемъ земномъ шарѣ за участіе въ войнѣ высказалась какъ коллективъ *только одна* изъ *французскихъ* группъ. Въ Германіи одни лишь анархисты съ самаго начала войны заняли рѣзкую интернаціоналистическую позицію; всѣ нѣмецкія анархическія газеты были закрыты, а товарищи наши частью сидятъ въ тюрьмахъ, частью должны были бѣжать. То же самое въ Австріи. Тутъ ужъ „Наше Слово" не можетъ прикрываться невѣдѣніемъ, ибо эти факты были перепечатаны также и парижской „Мыслью".

кратическое, ознаменованное *совершеннымъ отъ имени рабочаго класса* переходомъ цѣлыхъ партій въ лагерь буржуазіи, являлось *партійнымъ* предательствомъ рабочихъ интересовъ, въ то время какъ грѣхопаденіе *нѣкоторыхъ анархистовъ* — только печальный *частный* фактъ. Неужели это все еще непонятно писателямъ изъ „Нашего Слова“?

Кончаетъ „Наше Слово“ свою „критику“ такъ, какъ будто бы ему непонятно, о чемъ мы на протяженіи цѣлаго номера говорили, и снисходительно поучаетъ насъ: „развалъ Интернаціонала не есть предметъ эксплуатаціи для кружковыхъ интересовъ.“ Это, дѣйствительно, не совсѣмъ то, что мы сказали. Мы проводили ту мысль, — очень простую, между прочимъ, — что *рабочій классъ не долженъ быть предметомъ эксплуатаціи со* стороны соціальдемократическаго „Интернаціонала“.

Конечно, „Голосъ“ и „Наше Слово“ много говорили о необходимости „реформировать“ Интернаціоналъ, построить его на новыхъ началахъ. Мы этого и не отрицали. Мы только утверждаемъ, что къ ихъ реставраціоннымъ попыткамъ относимся очень скептически. Что хорошаго можно ожидать изъ этого Назарета? Соціальдемократическое реформаторство намъ хорошо извѣстно, мы находимъ весьма подходящую для него характеристику еще у О. Уайльда, въ „Герцогинѣ Падуанской“:

Кардиналъ.
Есть въ этомъ городѣ не мало бѣдствій,
Ихъ реформировать могли бы вы.

Первый горожанинъ.
Что значитъ — реформировать?

Второй горожанинъ.
Должно быть
Оставить все, какъ есть оно теперь.

Не такъ ли, господа литераторы изъ „Нашего Слова“? Нѣтъ, ужъ если вы хотите полемизировать съ нами, то раньше отряхните отъ ногъ своихъ прахъ плехановской псевдонаучной полемической развязности *) и затѣмъ постарайтесь выйти съ узенькой дорожки кружкового *соціальдемократическаго* „интернаціонализма“ на широкую дорогу революціоннаго *рабочаго* Интернаціонала.

Оводъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИНФОРМАЦІОННЫЙ ЛИСТОКЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ БУНДА № 7, Января 1915.

Этотъ листокъ знакомитъ насъ съ принципіальной позиціей Бунда по вопросу о войнѣ. Въ декларація Ц. К. указывается, что война — капиталистически-имперіалистическая и что безполезно поэтому искать „личныхъ виновниковъ“ ея. Въ этой своей части декларація возраженій не вызываетъ, но въ дальнѣйшемъ дѣло обстоитъ уже далеко не такъ благополучно. „Сдавленный тисками милитаристской организаціи, рабочій классъ оказался безсильнымъ помѣшать возникновенію войны“, констатируетъ Ц. К. Но, — возникаетъ вопросъ, — призывала ли его соціальдемократія къ противодѣйствію или хотя бы къ протесту въ рѣшительный моментъ? Всѣ мы знаемъ, что она и не думала объ этомъ! Напротивъ, она почти всюду вотировала военные кредиты и санкціонировала войну. А нѣмецкая соціальдемократія, столь излюбленная сердцу бундовцевъ, еще на дняхъ наградила эпитетомъ „измѣнниковъ“ Либкнехта и Ледебура за ихъ частичные протесты противъ способа веденія войны. Затѣмъ, что должно означать выраженіе „сдавленный тисками милитаристской организаціи“? Развѣ не соціальдемократы всегда поддерживали милитаризмъ и развѣ не „интернаціоналистъ“ Бебель кричалъ на всѣхъ парламентскихъ перекресткахъ, что нѣмецкій народъ никогда не оставитъ своего отечества въ опасности и до послѣдняго издыханія выполнитъ свой нѣмецкій патріотическій долгъ? Что за лицемѣріе! — развѣ не соціальдемократы всѣхъ странъ всегда помогали своимъ правительствамъ „сдавливать“ народъ „тисками милитаристской организаціи“? Развѣ не они проваливали на всѣхъ интернаціональныхъ и національныхъ конгрессахъ всѣ дѣйствительно антимилитаристскія предложенія? Вѣдь ихъ заботливость о доблестномъ войскѣ доходила порой до каррикатурности. Напримѣръ, Бебель произнесъ по поводу одного военнаго бюджета чуть не двѣнадцатичасовую рѣчь, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, чтобы доказать военному министру, что сѣрая полевая обмундировка цѣлесообразнѣе зеленой, ибо она не такъ легко позволитъ непріятелю разглядѣть доблестнаго нѣмецкаго солдата. Если господа соціальдемократы теперь утверждаютъ, что и они антимилитаристы, то наша обязанность указать имъ, съ какой стороны они находили нужнымъ „критиковать“ милитаризмъ. Невыгодный для отечества цвѣтъ обмундировки, — вотъ дѣйствительный объектъ ихъ недовольства и содержаніе ихъ „антимилитаризма“...

Война, по мнѣнію Ц. К. Бунда, должна быть окончена „усиліями международнаго соціализма“. Это звучитъ очень внушительно и можно подумать, что бундовцы имѣютъ въ виду по крайней мѣрѣ организацію революціонныхъ восстаній. Но... уже со слѣдующей строчки они сами пугаются и бросаются успокаивать перетревоженную соціальдемократическую аудиторію: Война должна быть окончена „путемъ организованнаго давленія на правительства всѣхъ воюющихъ странъ“. Ахъ, давленіе... вотъ оно что! Ну, это не опасно, — въ худшемъ случаѣ это можетъ стоить ареста полдюжины „давящихъ“ соціальдемократовъ или закрытія какой-нибудь „давящей“ газетки въ Царевококшайскѣ. Это не бѣда... Кстати, не кажется ли бундовцамъ, что они немножко расходятся со своей Копенгагенской конференціей? Вѣдь та предлагала „побудить правительства нейтральныхъ странъ къ посредничеству между воюющими державами“... Единая и нераздѣльная, и вдругъ — такое противорѣчіе въ такомъ важномъ вопросѣ: кто, на кого и какъ долженъ давить! Этакъ, чего добраго, по неосторожности сколько невиннаго народу задавить можно!

Заканчиваетъ Бундъ свою декларацію о войнѣ, какъ и полагается національной организаціи, слезницей о... евреяхъ Россіи и Румыніи: „по окончаніи войны... международный пролетаріатъ долженъ остановить спеціальное свое вниманіе на ужасающемъ положеніи евреевъ...“ А не допускаетъ ли Бундъ возможность, что у международнаго пролетаріата еще раньше окончанія войны можетъ оказаться другая, отнюдь не менѣе почтенная задача: остановить свое спеціальное вниманіе на ужасающемъ положеніи всѣхъ народовъ, независимо отъ ихъ національности? Поистинѣ трудно выкарабкаться изъ національной лужицы, когда всю жизнь пробарахтались въ оппортунистическомъ болотѣ.

Съ „интернаціонализмомъ“ Бунда знакомитъ насъ слѣдующая сейчасъ же за декларацией статья Коссовскаго, не снабженная никакимъ примѣчаніемъ о несогласіи съ нею редакціоннаго коллектива. Разбивая легенду объ „освободительной“ миссіи тройственнаго согласія, Коссовскій беретъ подъ свою идейную защиту нѣмецкихъ с.-д.. „Той force majeure, которая продиктовала германской соціальдемократіи тактику, выразившуюся въ голосованіи за военные кредиты, для русской соціальдемократіи не существовало“, говоритъ онъ. Да позволено намъ будетъ спросить: если такъ, то при чемъ же вообще антимилитаризмъ и интернаціонализмъ? Разъ существуетъ force majeure, въ силу которой соціальдемократія той или другой страны должна, въ опредѣленный историческій моментъ, надѣть на себя военные доспѣхи, то какъ можетъ она быть интернаціональной? И чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, хуже нѣмецкихъ французскіе и бельгійскіе соціалисты, на которыхъ обрушивается всей тяжестью своей очень легковѣсной аргументаціи г. Коссовскій? Вѣдь для нихъ то эта force majeure существовала по крайней мѣрѣ не въ меньшей степени, чѣмъ для нѣмцевъ, если уже встать на точку зрѣнія „вынужденной“ защиты отъ нашествія „варваровъ“. И тутъ то оказывается, что придуманная Бундомъ для оправданія нѣмецкаго соціалъ-патріотизма формула force majeure поворачивается противъ него же, такъ какъ ее съ такимъ же точно успѣхомъ можно примѣнить и къ франко-бельгійскимъ соціалистамъ. Въ чемъ же заключается „интернаціонализмъ“ Бунда? Въ одинаковомъ для всѣхъ націй признаніи права на отечественный соціализмъ. Націоналистическій интернаціонализмъ. Это даже оригинально...

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ. О ВОЙНѢ. Парижъ, декабрь 1914.

Судьба опять улыбнулась Плеханову и вторично дала ему возможность стать „основоположенникомъ“. Правда, основоположенникомъ печальнаго образа, — нахлынувшая на него сей разъ съ небывалой методологической силою діалектическая волна однимъ взмахомъ перебросила его изъ страны интернаціоналистическихъ мечтаній въ станъ апологетовъ патріотическаго долга. Съ самаго начала войны онъ изъ арміи интернаціоналистовъ вышелъ „въ запасъ“ и сталъ „патріотомъ своего отечества“. Да еще какимъ патріотомъ, — не обыкновеннымъ; вродѣ тамъ какого нибудь деревенскаго Сидора или Петра, а самымъ что ни на есть теоретическимъ. Только вотъ скверная привычка осталась: все изъ Маркса цитируетъ вмѣсто Гершензона. А какъ нѣмца издали завидитъ, то просто сладу съ нимъ нѣтъ, — шашкой по воздуху машетъ и военную выправку принимаетъ: „не подходи ко мнѣ съ отвагой, заколю тебя сею шпагой“. Георгій-побѣдоносецъ, да и только! И какъ это нѣмецкія нянюшки раньше не подглядѣли, что эдакая желтуха въ немъ развивается? Какую нибудь энгельсонскую припарочку во-время на головку приложили бы и ничего этого не было бы. А теперь какъ по департаменту международныхъ дѣлъ служить прикажете? Скажутъ: въ отставку подавайте, Георгій Валентиновичъ. Хорошо еще, ежели съ мундиромъ отпустятъ... Бѣдный директоръ департамента!

Брошюра Плеханова „О войнѣ“, являющаяся теоретическимъ обоснованіемъ русской разновидности международнаго соціалъ-патріотизма, встрѣтила рѣзкую критику даже въ лагерѣ его вчерашнихъ единомышленниковъ. Волонтеръ, Троцкій и другіе соц.-демократы изъ закрытаго „Голоса“ дали ей достойную отповѣдь. Поэтому мы только вкратцѣ остановимся на этомъ позорномъ документѣ.

Прежде всего отмѣтимъ ту злую для Плеханова иронію судьбы, по которой онъ, въ вопросѣ о войнѣ, очутился на одинаковой позиціи съ П. Кропоткинымъ: оба, защищая свои доводы, апеллируютъ къ „прогрессу“, противопоставляя ему „варварскую культуру“ нѣмцевъ. Разница между ними лишь въ томъ, что „народникъ“ и „романофилъ“ Кропоткинъ остался вѣренъ своимъ симпатіямъ, въ то время какъ „западникъ“ Плехановъ, до войны преклонявшійся передъ нѣмецкой философіей и культурой и передъ нѣмецкой соціальдемократіей, съ объявленіемъ войны сразу вступилъ съ самимъ собою въ теоретическое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, „метафизику“, по выраженію Плеханова, Кропоткину еще приличествуетъ аргументировать идеалистическими понятіями права, справедливости и прогресса, но „научному марксисту“, причастившемуся святыхъ тайнъ гегелевской діалектики, подобная аргументація не должна быть свойственна. Чѣмъ же объяснить такой переходъ отъ научнаго „объективизма“ къ сентиментальному „субъективизму“? Причины его заключаются именно въ субъективномъ характерѣ соціальдемократической „науки“, именно въ томъ, что соціальдемократическая теорія всегда служила и служитъ для какой угодно практики. Стоитъ только пристегнуть для большей научной правдоподобности Маркса или Энгельса, попутно выругавъ двухъ-трехъ анархистовъ, и... измѣна рабочему интернаціонализму уже не измѣна, а соціалистическая добродѣтель, продиктованная „исторической необходимостью“. Тотъ же самый „діалектическій методъ объективнаго мышленія“, въ теченіи четвертивѣка носившій Плеханова по всѣмъ частямъ свѣта съ одного конгресса на другой, чтобы всюду проводить грозно-импозантныя резолюціи о „международной классовой солидарности рабочихъ“, нынѣ служитъ ему также вѣрно для теоретическаго обоснованія идеи русскаго патріотическаго соціализма. Вотъ ужъ, дѣйствительно,

Всю жизнь провелъ въ дорогѣ,
А умеръ въ Таганрогѣ.

Да, природа жестоко мститъ за долголѣтнее злоупотребленіе діалектическимъ блудомъ...

Между прочимъ, необходимо повѣдать русской читающей публикѣ, что нѣкій итальянскій профессоръ политической экономіи, Артуро Лабріола, ещъ десять лѣтъ тому назадъ опредѣлилъ, на основаніи теоретическаго обслѣдованія плехановскаго марксизма, его антиреволюціонную сущность и его сходство съ французскимъ „революціонеромъ“ Бріаномъ. Въ своемъ замѣчательномъ мѣстами памфлетѣ, такъ прямо и озаглавленномъ: „Противъ Плеханова“, онъ, очевидно предугадывая съ прозорливостью ясновидца военный блокъ соціальдемократическаго пожирателя анархистовъ съ русскимъ царизмомъ, говоритъ: „Читателю, конечно, не безызвѣстно, что Плехановъ во время русской революціи упорно поддерживалъ мнѣніе объ избирательномъ блокѣ съ лѣвыми партіями. Увы! успѣхи Аристида Бріана не даютъ спать очень многимъ. Но эти „ортодоксы“ безподобны! Аристидъ Бріанъ, истинный французъ, дѣйствовалъ сообразно своему удобству, готовый наплевать на всякія теоріи. Епископы же соціальдемократіи смотрятъ на вещи нѣсколько серьезнѣе. Прежде чѣмъ совершить скверный поступокъ, они доказываютъ съ ученымъ видомъ, что... въ сущности... если смотрѣть глубже... не останавливаясь на „вульгарныхъ“ видимостяхъ... то и Марксъ былъ того же мнѣнія.“

Покончивъ съ этическимъ освѣщеніемъ оружія тройственнаго согласія, Марксъ, то бишь Плехановъ, переходитъ къ освѣщенію экономическому. Въ этой области его универсальный геній всегда былъ непогрѣшимъ и онъ тотчасъ же безапелляціонно устанавливаетъ, что экономическое развитіе Россіи требуетъ ея побѣды надъ Германіей, а посему соціалистическая обязанность русскихъ рабочихъ — перестрѣлять нѣмецкихъ рабочихъ. Чѣмъ же отличается, по своей „соціалистичности“, эта мотивировка отъ мотивировки нѣмецкихъ соціальдемократовъ, утверждающихъ, что „экономическое развитіе Германіи требуетъ ея побѣды надъ Англіей?“ Вотъ она, діалектика то! Правильно примѣнишь ее, и она вездѣ приводитъ къ одинаковымъ выводамъ. Это ли не блестящее доказательство интернаціональной соціальдемократической солидарности?!

Впрочемъ, подождите-ка... „экономическое развитіе требуетъ“... это какъ будто что-то очень знакомое... А, вспомнилъ! Когда ревизіонисты хотѣли удерживать рабочихъ отъ революціонныхъ выступленій, они всегда говорили имъ, что „надо принимать во вниманіе состояніе промышленности“. Совершенно вѣрно... А когда Плехановъ за такую ересь „діалектически“ напустился на Бернштейна, тотъ съ истинно-нѣмецкимъ спокойствіемъ высказалъ слѣдующую сентенцію: „Павлинъ не можетъ пѣть, а Георгій Плехановъ можетъ лишь распускать свой хвостъ“.

О. А.

---

*) Соціальдемократы изъ „Нашего Слова“ не *были бы* достойными учениками Плеханова, если бы на протяженіи небольшой „полемической“ статейки хоть одинъ разъ не согрѣшили противъ хорошаго тона. Наше предположеніе, что „Голосъ“ *былъ* газетою с.-д. *меньшевиковъ*, охарактеризовано какъ „развязная неряшливость“ въ толкованіи с.-д. внутрипартійныхъ отношеній. Мы думаемъ, что присутствіе въ почтенной редакціи нѣсколькихъ „*бывшихъ*“ блаженной памяти впередовцевъ дѣла не мѣняетъ: *подавляющее* количество писателей покойнаго „Голоса“ и нынѣ здравствующаго „Нашего Слова“ все таки меньшевики par excellence. Объ этомъ очень нетрудно догадаться, взявъ въ руки любой номеръ этихъ газетъ. Но для насъ большая новость, что, говоря о „Голосѣ“ и „Нашемъ Словѣ“, мы какъ нибудь нескромно затронули *внутрипартійныя* отношенія с.-д., ибо до сихъ поръ они никогда не слыли *партійными* органами. Насколько намъ, непосвященнымъ, извѣстно, таковымъ считается, напр., „Соціальдемократъ“, выходящій съ соотвѣтствующимъ подзаголовкомъ. Не совершилъ ли нашъ критикъ „досадной“ *неосторожности*, высказавъ нечаянно вслухъ, чего говорить пока не слѣдовало?

ЗАЯВЛЕНІЕ ГРУППЫ РУССКИХЪ А.-К. „ВОЛЬНАЯ ВОЛЯ“ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Событія послѣднихъ мѣсяцевъ побудили нѣкоторыхъ лондонскихъ товарищей объединиться въ группу съ цѣлью издавать анархическій органъ, который въ столь тяжелое время стоялъ-бы на стражѣ анархическихъ принциповъ и далъ бы достойную отповѣдь тѣмъ изъ нашихъ товарищей, которые забыли ученіе анархизма и стали соціалъ-шовинистами. Мы рѣшили немедленно приступить къ изданію газеты „Вольная Воля“, о чемъ и объявили въ анархическихъ изданіяхъ. Преодолѣвъ матеріальныя и другія затрудненія, мы думали было уже приступить къ печатанію, но натолкнулись на совсѣмъ непредвидѣнное препятствіе.

Въ Лондонѣ находится русская анархическая типографія, принадлежащая группѣ „Листки Хлѣбъ и Воля“, къ которой мы и обратились съ просьбой позволить намъ *набрать* нашу газету. Мы получили категорическій отказъ, мотивированный тѣмъ, что группѣ неизвѣстно содержаніе нашей газеты; это не соотвѣтствовало дѣйствительности, ибо мы сообщили группѣ, что газета наша будетъ анархистская, т. е. противо-военная и антипатріотическая. Благодаря этому мы не могли издать нашу газету, такъ какъ частныя типографіи отказались печатать анархическій органъ.

Но считая, что изданіе русскаго анархическаго органа въ настоящее время есть насущная потребность для нашего движенія, мы списались съ швейцарскими товарищами и будемъ содѣйствовать изданію русскаго а.-к. органа „Рабочее Знамя“.

Вслѣдствіе этого мы просимъ всѣхъ товарищей, отозвавшихся на первоначальный призывъ нашей группы, оказать всяческую поддержку нашему общему анархическому „Рабочему Знамени“, направивъ статьи, заказы и деньги по адресу редакціи.

За дѣло же, товарищи! За дѣло анархическаго коммунизма противъ всѣхъ темныхъ силъ реакціи верховъ и низовъ.

Съ товарищескимъ привѣтомъ
Группа русскихъ а.-к. „Вольная Воля“ въ Лондонѣ.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТЪ
Лондонской группы а.-к. „Вольная Воля“
Отъ 1 января по 15 марта 1915 г.

Приходъ.

	фунты	шилл.	пенсы.
Членскіе взносы	1	15	00
Пожертвованія	1	11	00
По подписнымъ листамъ	1	13	10
Черезъ т. Гуревича изъ Балтимовы по подписному листу № 12.	0	18	6
Итого	5	18	4

Расходъ.

	фунты	шилл.	пенсы.
Групповые расходы	0	8	1½
Отправлено на изданіе 1 № „Рабочее Знамя“	3	10	00
Итого	3	18	1½
Осталось въ кассѣ къ 15 марта	2	0	2½

КАССОВЫЙ ОТЧЕТЪ ПО ВЫПУСКУ № 1 „РАБОЧАГО ЗНАМЕНИ“

Приходъ.

	фр.
Поступленія, обозначенныя въ № 1.	187,00
Изъ Берна, отъ т. Р. Б. по подписному листу № 2.	7,—
Изъ Цюриха, за проданную литературу	4,—
Изъ Лозанны, „ „	6,20
Изъ Базеля, отъ тт. В. и Ш.	4,—
Отъ Женевской группы	25.—
Отъ А. Ш., за одинъ экземпляръ газеты	2,—
Итого	235,20

Расходъ.

	фр.
Организаціонные расходы	30,15
Телеграфные, почтовые и экспедиціонные расходы	43,60
По счету типографіи за № 1	140,—
Итого	213,75
Остатокъ на № 2	21,45

Издательская группа.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Читателямъ. Продолженіе статей т. Рощина „Уроки войны“ не могло войти въ № 2, такъ какъ авторъ, по болѣзни, не могъ прислать его; онъ обѣщалъ прислать его къ № 3.

т. А. Шапиро, Лондонъ. Ошибка исправлена еще до полученія Вашего письма, которое не можетъ быть напечатано ввиду достойной величайшаго сожалѣнія некорректности тона. На ошибки всегда можно и должно указывать, но надо дѣлать это, не переходя на личную почву. Товарищъ А. Ге отъ личнаго отвѣта на Ваше письмо воздержится.

т. В. Черезову. См. выше отвѣтъ Шапиро.

ПОПРАВКА

Въ прошломъ номерѣ т. докторъ Винчъ по ошибкѣ былъ обозначенъ отвѣтственнымъ *редакторомъ* „Рабочаго Знамени“, въ то время какъ онъ въ дѣйствительности является отвѣтственнымъ *издателемъ* его.

Редакція.

Адресъ для корреспонденціи и денежныхъ переводовъ:
Dr. Wintsch, 4, rue Dickens, Lausanne.
pour Rab. Znamia.

Editeur responsable Docteur Wintsch, rue Dickens, 4, Lausanne.

Imprimerie Chaulmontet. 12, rue des Rois. Genève.